

СУОДЕНЕ ЭЛЯНА

**Посвящается
Марине Цветаевой**

(Стихи и анализ творчества)

**Каунас
2008**

I часть

Эляна Суодене

СОЛО МАРИНЕ

Лирика

Мятущийся огонь
На длани мироздания...
За что мне эта боль?
За что мне эта радость?

За это счастье жить
И за познания благо
Кого благодарить?
И миссия – какая?

Мятущийся огонь
На длани мироздания
То теплится, играя,
То переходит в пламя...

Он Логосом живёт,
Он Эросом питаем,
Он зиждется меж строк,
Он вспыхнет, отступая...

2006

О тебе говорю, как о Рае,
Дорогая моя сторона,
Там лишь божие птахи летают,
Лишь живая в ручьях вода.

Там и небо в стократ небесней,
Зеленее, сочной трава!
Прилетаю отсель лишь песней,
Воспевая к тебе провода!

Воспевая стальные рельсы,
Чтоб приблизить могли к тебе!
Не останусь, как видно, здесь я,
Во французской чужой земле!

А в тебя непременно лягу,
И, блаженная, буду спать
Под воспетыми небесами
И под рельсов вагонный лязг!

Жизнь в изгнании кто осмыслит?
И в чём большая благодать –
Или с грешной Россией слиться,
Или смертная грусть-тоска?

Или смертная впрямь кручина,
Чтоб бумагу кропить, нужна,
Чтобы звали всё райские птицы,
Чтоб журчала ручьёв вода?

Иль поэта и впрямь судьбина
Голодать, тосковать, болеть,
Чтоб осталась, как злато в слитках,
Как живая водица, речь?

Только что так зовёшь, Россия?
Выбирать тебя порешу!
Это мой или чей-то выбор?
Только рельсы лежат нагие,
Провода подбирают рифму,
Всё-то провода на слуху...

2006.11.15

Как тоска по несмогшему
Воплотиться нигде,
Эти русские вёсны
Где-то там, в стороне!

Как тоска по небывшему,
Эта русская даль,
Эти помыслы вышние,
Этих былей печаль!

Иллюзорность реалий
Иль реальность мечты
Эти домики в Праге
И предместий холмы...

Как бездумно резвится
Легковерный канкан,
Ресторанчик в Париже
Очарует меня...

Все медонские улочки –
Словно Парки капкан!
Потерялись мы, русские,
Платим не по счетам!

Меня голос Марины
И зовёт, и зовёт,
Как тоска о небывшем,
Потерявшая счёт

Всем потерям реальным
И свершившимся в снах...
Её поступь отчаянна...
Её помнит Монмартр...

2006.11.15

Женская доля пропащая!
Как судили тебя, судачили!
Как корили тебя, хаяли,
Забывая что ты – гениальная!

Только он, твой Эфрон, вступился:
«Лишь поэтом была Марина,
К ней и счёт быть особый должен», –
Так в застенках российских молвил,

Предсказав свою смерть в картине,
Подрабатывая в Париже
В съёмках фильма о заключённых...
Не щадила судьба Эфрона,

Одарила его несказанно –
Был возлюбленным гениальной
Поэтессы... Отчего ж на душе невесело?
Расстреляли в российских весях!

Он России служить пытался,
И когда был студентом пражским,
И тогда, в Париже заморском,
Убирая ей неугодных

(С точки зрения НКВД),
А жена – великий поэт!

Он остался в стихах Марины
Стаей белой служить России –
Вот и высшее оправдание –
А жена-то ведь гениальная!

Никакое он не ничтожество,
Как пытались его оприходовать,
Может быть, он остался единственным,
Честь отстаивая прижизненно

Своей спутницы незаурядной!
А жена-то ведь гениальна!

2006.11.15

Эти камешки в Коктебеле
Мне мечты о любви навоят...
Будто память о встрече первой
Эти пёстрые, эти серые!

Черноморские волны то ласково,
То играя девятым валом,
Предрекая судьбу Марины,
Коктебельские камни мыли!

Чуть заигрывали, встречая
Этих отроков юных пару,
Восхищённую в предвкушении
Лишь великих судеб свершения!

Что за рыцарь шпаги продольной!
Обоймёт, ослепя очами!
В них – еврейская отрешённость,
Пригвождённость к судьбе славянства!

Что за дева с походкой упругой
И округлыми столь щеками!
Она чувствовала подспудно –
Быть поэтом ей гениальным!

Как сплелись воедино пальчики!
Эти двое были красавцами!
Как бы слиться ещё плотнее!
Что за камешки в Коктебеле!

2006.11.16

*«Для меня стихи – дом. Хочу
домой с чужого праздника».*
М. Цветаева

Вихри России,
Вихри России,
Белые стаи,
Чёрные были!

Русской истории
Парадоксы –
Русские головы,
Белая конница!

Белое солнце
Чёрной пустыни –
Русские вёсны,
Русские гнили!

Даль Перекопа –
Последний оплот!
Рота за ротой,
За взводами – взвод!

Белый стал красным –
Это ль не диво?
Страшные сказки,
Песни России!

Где Вы, Серёжа?
Видимо, в Праге!
Русская доля,
Горе-печали!

Ах, не сложилось!
Кто тут виновен?
Русские были,
Русские боли!

Льну – говорила!
Лён – волоса!
Только в Париже
Тоже тоска!

Где же нам, русским,
Родина-мать?
Русские в Пруссии
Дышат едва!

Что немцу благо,
Русскому – смерть!
Это мы знаем!
Как не воспеть!

Много терпела,
Ибо – поэт!
Знала, что вверено,
Кликала смерть!

Как безрассудно,
Горько жила!
Где же для русского
Участь сладка?

Всё перемешано!
Только назад,
В русские веси
Звал Пастернак!

Только надежда –
Буду родной!
Муж – перебежчик,
Где же мой дом?

Как покраснела
Белая кость!
Срамное дело –
Чёрный погост!

Белою стаей –
Только стихи!
Родина – с нами!
Родина – в них!

2006.11.16

Рваные слова.
Действа полон ритм.
А слова ея –
Таинства полны!

Грань преодолев,
Там, где нету тел,
Подберёшь напев,
Несказанность тем!

Искус искупи!
Больше, чем жена!
Но остался стих –
Память торжества!

Но остался стих –
Тех восторгов плод!
Вихреватый стиль,
Рифм круговорот!

Пауз новизна
И цезур придых
Мне напомнят впрямь
Неземной мотив!

Будешь прощена,
Постижений дочь,
На иных путях!
Верую – поверь!

Коль земные так
Ранили насквозь!
Будешь прощена!
Прощена за всё!

2006.10.15

Синтаксис дикий –
Это ль не лесть?
Как ты, Марина,
Комкала речь!

Как задыхалась,
Силясь сказать!
Дивой предстала,
Дивой – в стихах!

Кровь стыла Стиксом,
Кремль гудел,
Мнишек Марина
Мчит, онемев!

Выла Сивилла,
Федра звала!
Здравствуй, Марина!
Здравствуй, сестра!

2006.11.17

Твои горы и деревья
Будоражат до сих пор!
Славьтесь, жители предместий
И глотатели пустот!

И стенания Сивиллы,
И томления ручья!
Всё Марина воплотила,
Выяснилось – на века!

И Офелии прозренья –
Чуден Гамлету букет –
И всегдашнюю чрезмерность,
Обречённость в мире мер!

Виденья парадоксальность,
Гениальности сестру
С её жалостью к богатым,
Проклиная нищету!

Этой страсти безграничность,
Безмятежность без стыда,
Невиновную воистину,
Воспевая провода!

Воспевая благородство,
Как никто не воспевал!
Старец сухонький Волконский
Благодарственно вздыхал!

Воспевая кисть рябины,
Горечь сладостью прожжёт,
Как звала, звала в Россию,
Где желанна даже боль!

Ты, как сущность, первозданна!
Что тебе закон людской?
Как тобой воспета Анна!
Как воспет тобою Блок!

Ты с распахом впрямь всеобщим
Всех любила, кто живёт!
Будь то Павел Антокольский,
Будь то – София Парнок!

Будь то Дмитрий Самозванец,
Будь – случайное лицо!
Отойдя от персоналий,
Горе превращала в радость,
Переплавив в крохи строк!

Переплавив первобытно,
Будто не было досель
Душу выразить попыток,

Душу, женскую вполне!

2006.11.17

Я оплакивать тебя не стану –
Позабавилась, пожила!
Как воистину тайными знаками
Ты дополнила письма!

Это празднество идиолекта
Как знамение донесла,
Чтобы судьбы российских женщин,
Чтобы женскую суть познать!

Постигая сущность людскую,
Изучая её азы,
Ты как будто срывала сбрую –
Доля женская – на дыбы!

Создавая иную данность,
Не являвшуюся досель,
Ты великим поэтом стала,
Присягая женской судьбе!

Маяковский – первопроходец,
Создавая иную речь!
Как близка ты ему по крови!
По заслугам, мы знаем, честь!

Как бесстрашно ты открывала
Все нюансы своих страстей!
В том была мастерица Анна!
Ты по праву идёшь за ней!

Для поэта судьбы достаточно,
Чтоб кружили созвездия в такт!
Я не стану тебя оплакивать –
Позабавилась, пожила!

2006.11.17

Сталь отточенной шпаги
Небеса рассекает!
Как предвестие краха –
Первая Мировая!

Благородство попрали
В этих грязных окопах
Континенты и страны –
Отчего мне так плохо?

Наций цвет погубили,
Сохраняя союзы –
Нет великой России!
Ветр шалый бушует!

Кто-то рвался в окопы
От семейной проблемы.
Где Вы, мальчик Серёжа?
Живы иль убиенны?

А царица, как баба,
Да княжны моложавы –
По дорогам проталым
С русскими госпиталями!

Всех беда уравнила!
Раненых врачевали!
По великой России
Ветер буйствует рьяно!

Дам водицы, коль ранен!
Раны перебинтую!
Я воюю стихами,
«Царь-девицей» воюю!

2006.11.20

Чтоб имела свой хлеб насущный,
Ты, Марина, пошла на службу!
Периодикой занимаясь,
Ты участвовала в бедламе!

В вакханалии безрассудства,
Чтоб имела свой хлеб насущный!
Быть наперстницей вандализма,
Собирая газет подшивки!

Разве там могла задержаться
Ты, рождённая иной масти,
Ты, рожденная для полёта,
Для поэта судьбы высокой?

Пребывая в несоответствии
Своих помыслов и реальности,
Была изгнана ты, конечно же,
Из служения вакханалии!

Разве жрицы дело – прислуживать,
Тем участвуя в убиении,
Четвертуя России душу –
Будь то в том, будь в новейшем времени!

Ведь об этом писал и Пушкин,
О толпе и творце размышляючи,
Если кто-то метёт улицы,
Не жрецам принимать участие,

Умножая дело разлада,
Что звалось государственной службой!
Ах, Марина, тебя изгнали,
Полагаю я, что заслуженно!

Кто рождён провода протягивать
Между странами и сердцами,
Не участвуют в безобразии,
Утверждая – на благо граждан!

Осознав, что по духу – иная,
Тебя вышвырнули из правил!
Где, Марина, белая стая?
Где, Марина, Москва златоглавая?

У тебя, у тебя в цезурах
Между строк помещений чердачных!
Не даётся поэту служба!
Там и Пушкин был неудачником!

2006.11.20

Будешь пьесы писать,
Чтобы спастись, не сдаться,
Чтоб не осилил мрак,
Ужас Москвы двадцатых!

Рукопись будешь жечь,
Чтобы согреться как-то,
А компаний не счесть
На высоте чердачной!

Буйной свободы хмель,
Речи народной россыпь –
Всё – в новизну поэм,
В точек разноголосицу!

Всё – в длинноту тире,
Всё – в двоеточий слёзы!
Что ты там – о плаще?
Что – о вселенской дрожи?

Будешь пьесы читать,
Чтобы спастись хоть как-то!
Слушателей – парад!
А среди них – Завадский!

В этом, всё может стать,
Сладость твоих речей –
В смелости подписаться –
«Страстно любящая Вас – М.»!

И пусть стужа в Москве двадцатых
Пробирает и не щадит,
Для того, чтоб спастись хоть как-то
Ты в мансарде творишь стихи!

Будем вместе в стихах Марины,
Постигая Отчизны сны,
Наполняться любви надрывом,
Благодарностью исходить!

Пусть реальность альтернативна,
Де Гриэ иллюзорен плащ,
Будем вместе в стихах Марины
Исповедоваться, выживать!

2006.11.20

Как судьба твоя будоражит!
Как покоя мне не даёт!
Иль навек виновата впрямь я,
Что Борис уберечь не смог?

Что Асеев не смог вступиться,
Даже Анна не поняла!
И невнятность твоей записки
Будто ком запрудит гортань!

«Как верёвка крепка», – напоследок,
Провожая, Борис изрёк! –
«На такой только надо вешаться!»
Как в России смешлив народ!

Как крылато в России слово!
Как пророчества полон слог!
Крепость именно той верёвки
Крюк надверный проверить смог!

В достоверности убедился
Слов, оброненных невзначай...
Велика ли вина Бориса,
Что имел прозорливца дар?

Той верёвкой обвив чемоданы,
Он один только провожал!
Как в России глухи вокзалы!
Как надмирна страны беда!

Та беда – как вина, как рана,
Не избыть её, не унять!
Как в России глухи вокзалы!
Как Марина рвалась сюда!

2006.11.21

А в Елабуге,
А в Елабуге
Все посуду мыть
Мастерицы!

Не нашлось
Для неё вакансии –
Для кудесницы,
Для певицы!

Объяснили, что –
Чужестранка,
И самим-то, мол,
Не хватает!

Чтоб другим было
Неповадно
Из России –
Пущай погибает!

А в Елабуге,
А в Елабуге
Не осмелились,
Не вступились,
И осталась у тела снятого
Наспех сложенная
Записка!

Иль не знали цены тебе,
Девушка?
Иль не знали цены тебе,
Ясная?

А в России поэтов
Расстреливали,
И с пристрастием –
Настоящих! 2006.11.21

Что в тебе так тревожит?
Что к тебе так влечёт?
Или женская доля,
Иль поэта юдоль?

Концентрация страсти?
Квинтэссенции пик?
Это, как ни старайся,
Не дано повторить!

Безрассудства отвага,
С коей впрямь – не жилец,
Эти новые грани,
Откровений подтекст?

И оплачено кровью
Истинно, во плоти
Твоё каждое слово
Завершеньем пути!

Этим ты доказала,
Что и вправду – поэт!
Невозможно в бедламе
Человеческих бед!

Невозможно без вышних
Проявлений в быту.
Ах, Марина, Марина!
Окрылённости звук!

И на грани соблазна
Зазыванья твои,
Невозможно расстаться,
Стала частью души!

Стала поступью, будто
Не жила до тебя!
Эту сладость созвучья
Не дано выбирать!

Это как предреши́нность
То допеть, досказать,
Что Маринины звоны
Не успели – как жаль!

И твою уникальность
Сознавая вполне,
Свои женские тайны
Излагаю в письме!

Свою женскую сущность,
Обречённость на боль...
Обречённость на чувство –
Мы сойдёмся ещё!

2006.11.22

Мне легче оттого, что ты жила,
Мне легче оттого, что ты пыталась
Постичь и выразить себя
Так, как никто не смог бы ране!

Как будто мой подспудный гул,
Как будто тайное брожение
По праву выходы найдут –
Уже бывали прецеденты!

Уж создан был идиолект,
Ни с чем поныне несравнимый,
И оттого полегче мне
Справляться с бедами моими!

И оттого полегче мне
Доселе выразить пытаться
Всю прелесть погубивших нег
И безысходность сладострастья!

И обречённость на молву,
На Тихе игры и Фемиды!
Как будто взяли высоту
Уж до меня. Пониже – стыдно!

2006.11.22

В чём твоё *ouerve*?
В том, что повтора нет?
Чудеса – вне анализа?
Чудо – вне составляющих?

Дух ли не успокоен?
Иль Россия покаялась,
Что творила с тобою?
Или – вне покаяния?

Иль Россия постигла,
Сколь грешна пред тобою?
Ах, Марина, Марина,
Доля, русская доля!

Или бабья судьбина
Так меня задевает?
Ах, Марина, Марина,
Ах, моя золотая!

Все в тебе хоть частицу
Мы свою находили!
Это буйство безвинно –
Ах, Марина, Марина!

Эта роскошь беспамятств!
Эта крайность тоски!
Ах, моя дорогая!
Всё Россия простит!

2006.11.22

*«Кто любит Россию,
тот и русский».*
И. Глазунов

Не живала в России
До войны Мировой,
Меня белые вихри
Обошли стороной,

Меня красные сабли
Не задели тогда,
Миноносцы октябрьские
Не влекли на «Ура!»,

Я не знала эсеров,
Как и меньшевиков,
Я и в Маркса не верила,
И подпольных кружков

Лампы под абажуром
Не слепили глаза,
Блока выюжные улицы,
Петербург, Петроград

Познавала по текстам,
По альбомным листам,
По вопросам извечным,
Не дающимся нам,

С Велимиром и Осипом
Не сжигала стихов,
И с Мариной на площади
В звонах колоколов

Не стояла. Так что же
Я виню себя так
За Россию, что продали,
Раздарили, шутя?

Что никто не осмелился
Взять вину на себя,
Принимая ответственность
За ошибки царя?

Кровь невинная пролита,
Только что ж оттого
Над Россией огромною
Не светло, не светло?

Не жила в России
До Второй мировой,
До Вселенного взрыва,
До коллапса времён,

До её обновления,
До надежды больной!
Я стою на коленях!
Исцели её, Бог!

Я в краю отколовшемся,
В отчуждённом краю
По безвинно усопшим
Твой молебен стою!

2006.03.22

Как разыскивали по городу,
Где издательство «Оле Лукое»!
И кому бы пришло в голову,
Что отсутствует таковое!

Что нигде такового не было,
Это только воображение
Воспалённое девы юной,
Сие новшество напридумано!

Пусть маститый Валерий Брюсов
В легкомыслии обвиняет!
Видно, чувствовалось подспудно –
Её дерзость изначально!

Видно, чувствовал, что Марина
Будет действовать так, как хочет!
А история подтвердила:
Есть издательство «Оле Лукое»!

Как историю литературы,
Её выдумка озадачила!
Славьтесь, улочки, переулки!
Пусть Марина идёт в издательство!

2006.11.26

Славься, славься, юной девы
Вера в поприще своё!
Что кликушества напевы?
Есть издание стихов!

Пусть фонарь волшебный светит,
Освещает, не стыдись,
Эту пыль на этажерке,
Этой чашечки фаянс!

И Башкирцевой влиянье
На мятущуюся кровь,
Эти первые свиданья,
Этих нравов парадокс!

Эту смелость эпатажа,
Чтоб лампы все – долой!
Как родителей пугала,
Изводила до чего!

Пусть соседство Иловайских
Не убавило проблем!
Вспомним росчерк залихватский:
«Дай мне смерть в семнадцать лет!»

Имена, что честь России
Составляют на века,
С детства девочку Марину
Окружали, возлюбя!

Пусть апломб Наполеона
Деве той отнюдь не чужд!
Она знала безусловно
Свою участь – смутно пусть!

Ах, неси, неси, Марина,
Сжавши, стопочку стихов!
Сбережения – на книгу,
Где триумф твой предречён!

Слава смелости поныне
Знавшей участь наперёд!
Твоим стихам,
как драгоценным винам,
И впрямь пришёл черёд!

2006.11.26

Слилась ты с судьбой России,
Вы – единое отныне!
Может быть, помимо воли
Стала русскою судьбою?

Или норов бабки польки,
На тебя смотревшей с фото,
Твою участь предрекал?
Иль отцовский русский край?

Переплавив воедино
Поиск нравственный России,
Утончённость и мятежность
От своей прабабки немки,

Воплотила уникально
В свои песенные сплавы
Нежность, муку, память, силу,
Став единою с Россией!

Став единою с вселенской
Неизбывной жаждой женской!
Как Иштар и как Кибела,
Необузданной и смелой!

Своей мощью ненасытной
Став с Россиею единой,
Ты космичностью вне граней
Душу мне переполняешь!

Ибо высшее дано,
Став с Отчизной заодно!

2006.11.26

Женская вселенская душа!
В чём ты от мужской отлична?
Жизнь как будто не была,
Кто ж тогда оставил письма?

Кто эпистолярный жанр
Так обогатил отменно?
Жизнь как будто не была –
Ты её преодолела!

И, себя с Россией слив –
Разве может быть плотнее? –
Стала символом души,
Одолела грани тела!

Стала женскою судьбой,
Символом любви всеобщей,
Что витает над землёй,
Что заполонила космос!

Так когда-то птица Рух
Крылья над водой томила...
Слышу, слышу тайный звук
Или отзвук лишь – Марина...

2006.12.07

*«Чтобы помнил не часочек, не годок,
Подарю тебе, дружочек, гребешок».*
М. Цветаева

Заклинаний любовных не было –
Видно, слишком Анна горда!
Ах, Марина, ты разве ведала,
Как грешна твоя ворожба!

От заклятий твоих любовных
До сих пор холодеет кровь!
А подарки Иштар достойны –
Так чудесен твой гребешок!

На том гребне всего семь зубьев,
У гитары всего семь струн!
Кто расчешет тем гребнем кудри,
Тот забудет, как мать зовут!

Так сирены меняли судьбы,
Траектории кораблей!
Кто услышит однажды звуки
Песнопений – погиб навек!

Приворотный твой дар, Марина,
Семиструнный твой гребень-ритм
Столь же гибелен, сколь невинен,
Столь же древен, как вой Сивиллы,
Как моление о любви!

Иль роднилась со стихиями сама,
Струны-зубья обводя гребешка?
Или верила и впрямь в приворот,
Семиструнный подарив гребешок!

Кто безумия любви объяснит?
Чьи-то кудри гребешок распрямит?
Нет у Анны приворотных даров,
Чтоб любимому все вёрсты – с вершок!

Видно, несколько иной её слог –
Не хлыстовский, не бесовский народ!

2007.01.12

*«Между воскресеньем и субботой
Я повисла, птица вербная».*
М. Цветаева

Ты – медиум, всегда посередине!
Ты – между Польшей и Россией!
Ты – между даром и заботой,
Как между воскресеньем и субботой!

Ты – между Рильке и Борисом
В одной известной переписке!
Ты – меж Парижем и Сибирью,
Меж вечностью – и грешными,
земными!

Меж правилами речи русской –
И бесшабашным безрассудством
Рвать по слогам слова, как тряпицу
Иль плащаницы ткань тончайшую.

2007.01.12

А у Анны эллипсисов нет!
У тебя, Марина, недосказанность
В этих пропастях тире,
В этих двоеточиях сочащихся!

Ты как будто бы кричишь,
Голос будто бы срывается,
И в тире исчерчен стих,
Ритм клокочущий сбивается!

Ты как будто бы несёшь
Нечто, лишь тебе известное,
Нам, земным, живым ещё,
Чтоб, не брезгуя, отведали!

Чтоб узнали о твоём
Сокровенном, запредельном,
Оттого – строки излом,
Что боишься – не успеется!

Ты – спонтанность, ты – порыв,
Ты – дыхания прерывистость!
В этих вызовах строфы,
В этих синтаксиса вызовах!

2007.01.12

«Знаю – умру на заре».
М. Цветаева

Ты – язычница как будто!
Нежно отодвинешь крест,
И торжественные губы
Гордо молят: «Я – поэт!»

Эта миссия превыше
Всех томлений во плоти,
Перевоплощений Мнишек,
Даже стонов «Ипполит!»

Эта миссия – смиренней
Пребывания в посте...
Оттого-то крест последний
Ты отводишь на земле...

2007.01.22

У тебя – вселенская страсть!
Тростником – ивняком – болотом,
А где конь не берёт – там летом,
Все ветра полонив резвясь!

Сколько восклицаний у тебя!
Не раздумий томных, как у Анны,
Сколько грозных указаний,
Придыханий, вечность распластав!

Как ты в страстности своей
Необузданна, глумлива,
Как безмерно сиротлива,
С просьбой ласки у людей!

Как ты в дерзости своей
Непрактична и наивна,
Одинока как, Марина,
Хоть собой тебя согрей!

Так идёт от века к веку,
Так идёт поэт к поэту,
И нерасторжима связь!

Как гневно ты ни кличешь
В своих сборниках и письмах,
Душу ты по свету ищешь,
Душу, чтоб тебя, Марина,
Возлюбила, возлюбила,
Чтоб смогла тебя понять

В этом квазисумасбродстве,
В гениальности пророчеств,
В этих кликах одиночеств,
В этих ранах напоказ!

2007.01.26

И Зевес у тебя, и Саул,
И народ чужой, грустноглазый,
И богини Иштар разгул,
Даже стенькины безобразия!

А Офелия, как сестра,
Ты её подбираешь венчик!
Недосказанность есть в стихах,
Древних мифов смела развенчанность!

Предложения неполны!
Словно выкрики твои эллипсы!
И провидчество слепоты,
Хоть стихи и полны эклектики!

Органична ты – что сказать! –
То Иштар, то Мариной прикидываясь,
Оттого-то и приказать,
Точно так же, как наказать,
Тебе проще простого, видимо!

Ты – царица, пускай и лже-!
Ты – богиня Иштар, призналась раз!
И с Зевесом ты наравне,
Коль поэта с поэтом сравнивать!

2007.01.20

Сколько адресатов речи!
То ты к Афродите обращаешься,
То – к груди и сути женской,
К младости своей пропащей!

Как в воззваниях энергична!
Ты, к Орфею приникая,
Так смела, как и к Борису,
Оплета проводками!

Все тебе свои, родные –
И Офелия, и Гамлет,
И уставшая Сивилла,
Поседевшая в стенаньях!

Адресат живописуем!
Как ты коммуникативна!
Всех характеристик сутью –
Первозданнейший эпитет!

Ты как будто в постмодерне:
Кто на файле? Может, Осип?
В этой сети интернета
Невозможное – возможно!

Там и смертные, и боги,
Во всемирной паутине!
Как тебе средь них раздольно!
Как легко тебе, Марина!

2007.01.26

«Спесь у нас, полячек-то...»

М. Цветаева

Оттого ль ты так, Марина, своевольна,
Что поляки у тебя в родословной?
Может быть, ты даже литовочка?
Очевидно одно – полукровочка!

Посполитая нужна Жечь,
Чтоб глаголами сердца жечь,
Посполитая в подсознании –
Вот резерв твоей уникальности!

Эта взгляда своеобычность,
Эта вольность от всех традиций,
Будто ты не из здесь немножечко,
То ли русская, то ли полечка!

Твоя значимость не вельможится,
Ты у Музы – чернорабочею,
Будто Пушкин нам строит рожицы,
То ли полька ты, то ль литовочка!

Ты – с безмерностью в мире узости,
Ты увенчана щедро Музою,
Есть в стихах России раздолье
Да шляхетское своеволие!

Только гении впрямь без нации,
Вечность их, словно мать, вынашивала
Квинтэссенцией популяции,
Единичностью непредсказанной!

Из руды Литвы и России,
Из шляхетской лихой гордыни,
Из романтики мысли немецкой –
Неземное твоё – небесное!

2007.01.26

Ты – явно гипер-!
Ты – Царь-девица!
Своими кликами,
Своими вышними

Заворожила!
Как разобраться мне,
Какими силами,
Какими средствами!

Вижу, что скрыто!
Вызов – в тире!
В сжатости – выкрик!
Силишься – вверх!

Как много действия
В рамках строфы!
Сжатие текста!
Вызова клик!

2007.01.29

А лес для тебя – Элизиум!
Ах, как с этим жить, скажи?
Там рябина раскинулась
Краше, чем царь Давид!

Что за дух богоборческий –
Этих дубочков ряд!
Ты от людской пошлости,
Сброда бежишь сюда!

Здесь – сюжеты из Библии!
Здесь – античности весть!
Вот и сосенка вздыблена,
Ах, язычества перст!

Защищённость – в гармонии!
Отойди, суета!
Так стремишься ты к Господу,
Иль не знаешь сама?

Всё в тебе переплавлено!
Ты всеядна и впрямь!
Что за россыпь ольшанника!
Исцеление ран!

2007.01.29

*«Жизнь – двоедушье дружб
И удушье сиротств».*
М. Цветаева

Так ты думала о человечестве,
Что и вправду легко повеситься!
Так ты пошлую низость клеймила,
Что презренье вело к могиле!

Виновата ли ты, Марина,
Что ничтожеств не возлюбила?
Ведь Христос возлюбить велел!
Твоей жизни конец – ответ!

Ах, ни в чём ты не виновата!
Ты, как боги древней Эллады,
Богоборчеству отдалась!
Ты, как боги, сама была

В сфере ритмики строф небесных!
Ты хотела гармонии текста,
Чтоб не в быте, а в бытие!
Ах, Марина, иллюзий дочь!

Но – не первая, не последняя
Ты, Маринушка, во сражении
И смирения не приняв!
Ах, Марина! Любовь одна

В этом мире спасти способна,
В этом – заповеди Христовы,
Их душою не приняла!
Ах, Марина! Судья – не я!

2007.01.30

Где у Анны – просьбы,
У тебя – приказы!
До чего же грозной
Иногда бываешь!

Чувствуешь богиней
Ты себя, наверно!
В страсти столь игривой,
В страсти столь надменной!

В сплаве историзма
С гулом мифологий,
Христианства призмой
И язычеств волей

Празднуешь сегодня!
Как же разновекторна
Ты, в земной юдоли
Пребывая гением!

Как же беззащитна
Эта гениальность
В страсти первобытной,
В совести славянской.

2007.01.30

Облака у тебя сражаются,
Точно так же, как деревья!
Шли деревья Веспасианом,
Вессаломом вслед – облака!

Как ты явно гетерогенна!
Ты не моно-, не моно- отнюдь!
В разногласии сём – Вселенная!
Оттого был так труден путь!

Как мышление многополярно!
Оттого так крута стезя!
Шли деревья Веспасианом,
Вессаломом вслед – облака!

2007.02.01

*«Огонь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочишь коей».*

*«Я тебя высоко любила!
Я тебя схоронила в небе».*

*«В лад и в ряд. Говорят, что на дне
оврага,
Может, неба на дне».*

*«Могла бы – взяла бы
В утробу пещеры».*
М. Цветаева

Сексуальность в тебе – до крайности!
Дно оврага – как будто неба!
Что пещера в древнем сознании,
Разве было тебе ведомо?

Беспринципна ты в первобытности,
А любовь до того насыщена,
Что за высшей ступенью близости
Только смерть остаётся, гибельность!

В смерти жаждешь сберечь, как в небе,
Как в глухой и нагой пещере,
Чтоб остался твоим навек!
Многомерность мифологем!

Ты ль жестока? Иль просто искренна?
Так в анализе страсти низости
Ты гораздо ближе к язычеству,
Просветлённому, хаотичному,

Чем к святым христианства заповедям,
Оттого ли ты безотказна так
Перед жизни реальной дикостью,
Что близка не Христу – язычеству?

2007.01.31

Ты судьбу переиграла,
Ты перехитрила смерть,
Ибо ты жива осталась,
И тому свидетель – текст!

Очевидное – банально!
Дух материи сильней!
Как вольготна твоя страстность,
Невиновная вполне!

Ибо оправданьем – радость
Постижения тебя
И в фонемах, и в синтагмах,
И в разорванных словах!

В этой новизне щемящей
Речи, женской наповал!
В этой вольности анафор,
Волн передающих такт.

2007.02.01

*«Ты во мне,
Как в хрустальном гробе».*
М. Цветаева

В раковину прятала,
Чтобы был в ней морем,
Иль в песок Сахары,
Жарче, чем жаровня!

Или в глубь пещеры,
Тёмной и сырой,
Иль в груди расщелину,
Называлась – боль!

В тучу грозовую,
Дальше от земель!
Чтобы на другую
Милый не смотрел!

Внутрь себя вбирала,
Хоронила там!
Смертью представала,
Чтобы – наповал!

Так тебе хотелось
Слиться навсегда!
Сколь греховна смелость,
Чтоб любила так!

2007.02.02

Запредельность страсти!
А за этой гранью,
Кроме Бога власти,
Больше не бывает!

Ты доисторична,
Как и довременна,
В страсти первобытной,
Как Иштар, Кибела!

Смерть – или порядок,
Космос гармоничный!
Кто гулял за гранью,
Запредельным дышит!

Знает эти звоны,
Знает эти ниши!
Не зови на помощь –
Тех, кто богоборец,
Ангелы не слышат!

2007.02.02

Ритуалов спасения не было!
Только ненависть, только ненависть!
Неприятие фарисейства,
Только страстность, страстна донельзя!

Вся ты соткана из античности,
Из сюжетов Завета Ветхого,
Отчего же в метафоричности
Так бедна христианства тема?

Отчего же твоей символики
Лишь коснулись муки страдальца?
Может, этим бы успокоилась,
Проповедуя христианство!

Может, ты бы нашла спасение
В ежедневных молитвах длительных,
В сопричастности запредельному
Свету тихому, свету тихому.

Этот свет любовью зовётся!
Он пропитывает Вселенную!
Может, в нём бы и успокоилась,
Может, в нём бы нашла спасение.

2007.02.02

*«Так сведи же нас, страж грозный,
Рана в рану и хряц в хряц».*

М. Цветаева

Ты, конечно, экстремалка,
Экстремалочка в любви!
Пальцем в мозг ты хочешь прямо,
Рана в рану, рана в рану,
Иль мощнее есть экстрим?

Сколько же адреналина!
Аравийский конь в скаку!
Как сильна любовь экстрима,
Есть и на моём веку!

Оттого мне так понятен
Свет невнятных твоих,
Твоих бредов несказанных
И внезапных запятых!

Твоей ритмики извивы,
Твоих косностей придых!
Как сильна любовь экстрима,
Как ранима, как ранима,
Взрыв вселенский затаив!

2007.02.02

А Борис говорил, ты – снег!
Вот я вышла – белым-бело!
Как февраль этот поздний сед!
Что дерев твоих серебро!

Говорила, цвет попоран светом!
Эта правда сегодня ясна!
Когда роскоши нет лета,
Седины белизна строга!

Почернеют уж скоро улицы.
И Ярило растопит хворь!
Был Борис несказанным умницей,
Тебя сравнивая с зимой!

Ибо – частью ты мироздания,
В сферы вышние возвращена!
Ты для Анна – рябины ягода!
Как же горечь её сладка!

2007.02.03

А Осип погиб – ты знала?
Как же с Анной встреча трудна!
Разве этого ожидала,
Нажимая на круп звонка?

Что ж слияния душ не вышло?
«Что же делала столько лет,
Не сошедши с позиций бывших,
Слога нового не нашед?»

Вот как скажешь, Марина, в запале!
Может, где-то ты и права!
Ведь в сравненьи с твоим страданьем
Равномерна её строка!

Нет разрывов ни строф, ни строчек!
Весть – в подтексте и – исподволь!
Только всё же близки вы очень,
В вас едина России боль!

Эта боль – будто соль библейских,
На которых весь свет стоит,
И великих, и отщепенцев,
И отшельников, и святых.

2007.02.03

Ты пришла к своим, но не приняли!
Как, Марина, ты не нова!
Ты закончила суицидом,
Заратуштру распял базар!

Ты пришла к своим, но не приняли!
Говорила, что мир – бедлам!
И сама же тайно молила
О любви по земным площадям!

Даже требовала упорно!
Что, скажи, получила ты?
Что осталось? Лишь строчек контур,
Подтверждавший – пришла к своим!

2007.02.03

Ты, Марина, амбивалентна!
Столь же ненависть, сколь и нежность!
Столь же мрак, сколь и света таинство!
Столь печаль, сколь веселье
праздненства!

Ты, Марина, парадоксальна!
Все-то крайности в тебе спаяны,
Эрос, Хаос и Тартар, Гея –
Воплощенье первопотенций!

Как же мощную столь, могучую
Уморила кручина жгучая?
Нечто схожее было с Пушкиным –
Не по силам тягаться с гнустностью

Русским гениям! Очевидно ведь!
Тебе – стаями да рябиной впредь,
Ему – памятником на площади,
Толчею наблюдать московскую!

Не смогли уберечь! Пытались ли?
Птицы вещие взмыться стаями
Не способны – поодиночке!
Сколь зловещи людские козни!

Будто тучами грозowymi,
Вы объяты хмельной стихией!
В ней и мрак есть, и света таинство,
И печаль, и веселье праздненства!

2007.02.04

«Всех живучей и живее –
Пушкин – в роли Мавзолея?»
Всех живучей и живее
Стал в России Ленин!

Оттого ли перекосы
Столь ярки в сознании,
Что ходили Перекопом
До России края?

Что подмена совершилась
Истинной духовности,
Коли шли по всей России
Брат на брата кровного?

Всех живее и живучей
Пушкин остаётся!
Ты, Марина, не волнуйся –
Русский не свихнётся!

Русский вновь народ воспрянет –
Нам ли падать духом?
Над строною воссияет
Солнце солнца – Пушкин!

2007.02.04

*«А мы для иных
Сновидим времён».*
М. Цветаева

Ты – мимо дней и мимо жизни
Иным писала временам!
Как будто ведала – превыше
Дух всех материй, грешным, нам!

Того, что приключилось с нами
На этом иль ином веку!
Стихи, стихи, стихи писала,
Заглядывая века внутрь!

Как будто помня – царство божье
Всегда в душе, всегда внутри!
Ты не оттачивала почерк,
Энтропией творя стихи!

Ты в ней порядок создавала
В безумстве огненных эпох!
Стихи, стихи, стихи писала –
И – не взирая ни на что!

Ты веки веку волкодаву
Не удосужилась поднять –
Единоличья чувств охрана –
Вот основная ипостась!

Как на блокпосте постовому,
Век твои веки теребил,
И всё-то буйствовал под кожей
И – перелистывал стихи!

2007.02.04

Ты даже родословную меняла –
Поэт шёл от Петра и Ганибалла,
Воображение играло,
Тасуя континенты, страны!

Как жаждешь ступни взять в ладони,
Светясь бессмертной любовью,
Стать продолжением Христа!
Как ты в мечтаниях смела!

Как ты возлюбленна, Марина,
Всевышней Абсолюта силой,
Стиха дыхание верша!

2007.02.04

Ты, Маринушка, полукровка!
Будто ближе к глобализации!
Век двадцатый жестокий очень!
Двадцать первый терпимей к инакости!

2007.02.22

А в молчаньи – мудрость!
Полнота плеромы!
Это – как округлость,
Как сферичность формы!

В немоту, в первичность
Даже Осип рвался,
Чтобы Афродита
Пеною осталась!

О, косноязычье
Истинных поэтов!
А растенья мыслят –
В этом нет сомненья!

Вот и куст с Мариной
Знанием делится,
Чем-то непредвиденным,
Неотлитым письменно!

Интерференций надрыв
В веке двадцатом опознан!
«Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь – полной!»

2007.02.05

А у Осипа – чёрные площади!
А у Анны – чёрные сады!
Ах, Господи, Господи, Господи!
Мы куда Россию вели?

А у Осипа – чёрно-жёлтое!
А у Анны – лишь желтизна!
Ах, Господи, Господи, Господи!
Какого цвета мольба?

А у Осипа – небо беременно
И – свечение алтарей!
Мы – потерянное поколение!
Мы рассеяны по земле!

А у Осипа – мир, как митра,
Нахлобученная во тьме...
А у Анны – другая палитра
И по-женски роднее мне!

А у Осипа – та пронзительность,
Что даётся лишь избранным!
И слова его – словно истина,
И ты снова поверишь им!

Удивишься – как точно сказано!
Как, однако, он не похож
На томленья сестрицы Аннушки,
На Марины рябины сквозь.

2007.05.30

*«Рябина!
Судьбина
Русская».*
М. Цветаева

А российская судьбина –
Горько-сладкая рябина!
То твоя судьба, Марина,
Бабьей доли боли, были!

Иль не русская ты баба,
Чтоб за суженным – по шпалам?
Чтобы светом – на бумагу,
Почерк ровный, не корявый!

А без горечи возможна ль
Эта сопричастность звёздам,
Эта хаосу созвучность,
Эта радость речи русской?

2007.02.05

Борисоглебский переулок, дом N 6

«Дом, и не знающий, что мой».
М. Цветаева

Думаешь, дом – сознателен –
Стены хозяев ждут?
Дом чужбины не знает,
Что такое уют!

Думаешь, словно госпиталь,
Как казармы насад!
Отчего в твоём творчестве
Разнолики дома?

Иль каюты чердачной
Заболел домовой?
Что ж, Маринушка, плачешь
По дороге домой?

Ты по ней побежала,
Чтоб увидеть меж лип
Под фронтона бровями
Девичий дагерротип!

Чтобы – чуть потеплее
Под девический плед!
Переулок Бориса и Глеба
Миражами планет!

Нонче посольство литовское –
Просто рукой подать!
Как же ей было холодно!
Дом это должен знать!

2007.02.05

*«Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным,
Мне безразлично, на каком
Непонимаемой быть встречным».*
М. Цветаева

Марина, языка не предавай!
Я знаю – немота, как слепота,
Намного зрячей, многозвучней,
Чем ткань любого языка,
Но всё-таки! Любые чувства
Ты выразишь на этом языке
И нам оставишь на бумаге
Так, чтобы души замирали.
Марина, ты навеки с нами,
А оттого, прошу, родная,
В час чёрный, сердце отрывая,
Марина, языка не предавай!
Ведь он, как ты – столь многогранен,
Неоднозначен и изранен,
И оклеветан, и охаян,
И будет оценён вполне!
И даже больше – ты сегодня –
Вот этот текст, родной, знакомый,
Ещё никем не превзойдённый,
Ещё – на русском языке!

2007.02.05

«А я – до всякого столетья».

М. Цветаева

Да, ты – до всякого столетья!
Ты первозданна, как и Рея,
Ты ненасытна, словно Федра,
Ты пышешь, будто лоно Этны!

И всё же, малое дитя,
Пошла в народ любви искать!
И даже очень обижалась,
Когда её не получала!

Болело – Родина отвергла!
Не приняла, не захотела!
Нет, приняла, но чуть попозже!
Прости нас, несмышлёных, Боже!

Прости – смиренья не хватило,
Прости нас всех, как и Марину!
Века объяла мыслью смелой,
А своей жизни – не сумела!

2007. 02. 05

*«Всяк на выбранном заранее –
Много до рождения –
Месте своего деяния,
Своего рождения».*

М. Цветаева

Ты, Марина, утверждала:
Всё предreshено не нами,
Всё расчерчено заране,
Быть певцом тебе иль князем!

Только как же Левитанский,
Масс костяк оповещавший:
«Каждый выбирает по себе:
Женщину, религию, дорогу,
Дьяволу служить либо пророку,
Каждый выбирает по себе».

Есть ли выборность, ответь!
Место для детерминаций!
Раб ли ты судьбы своей
Или что-то в ней, да значишь?

2007. 02. 06

Как же ты, Маринушка, восторжена
На заре судьбы своей!
Нет ещё отравной горечи,
Неприятя людей!

Нет мещанства отторжения,
Отторжения газет!
Как смешно предубеждение,
Отвергавшее прогресс!

Рёв машинный отвергая
Скоропадских скоростей,
Не удержишь день вчерашний,
Как Есенин не сумел!

А в начале – сколько веры,
Сколько восхищенья слов,
Славя аннины напевы
И нетленный Блока слог!

Если мир души не принял,
Впору тихо презирать...
Это впрямь дорога к гибели –
Неумение прощать!

2007. 02. 06

Ты говоришь, что всё едино,
Вот только встанет куст рябины...
Обрыв стиха...
Тебя так Родина звала!

И что бы ты ни говорила,
Что всё одно, что всё едино,
Что нет и пятен-то родимых,
Как нет и рода самого,

Что ты – до всякого столетья,
Что ты чужда и тем, и этим,
Рябина, задохнувшись светом,
За сердце схватит всё равно!

И ты поймёшь – слова напрасны!
Ах, в этом сможешь ли признаться,
Смотря на кисти вдоль дорог?

2007. 02. 06

Гении не востребованы!
Это – в любом столетии!
Будто уничтожение
Кем-то божьего света!

Гении – в унижении!
А посредственность – в лести!
Вечно и повсеместно,
Как это всем известно!

Кличешь что у дороги
Ты, рябину обнявши?
Иль не знаешь закона?
Текстов Эклезиаста?

Помнишь – в текстах Шекспира
Кто слуга у порока?
Ах, Марина, Марина,
Ты вернёшься в Россию,
Ты вернёшься нескоро!

Отойдешь хоть немного,
Пусть в Елабуги далях!
А пока – по просторам
Вся рябина сгорает!

2007. 02. 06

Ты – то же, что Ван Гог в искусстве!
Возможно только повторить!
Ты – то же, что Джордано Бруно,
За преданность отдавший жизнь!

Ведь можно было б и полегче,
Не сломя голову, не так...
Но только пламенные тексты
Совсем иное говорят...

2007. 02. 06

Небо у тебя отравлено,
Родина – ядом ягоды!
Бузины, чернотой налитой,
Сладковатой чуть, с кислотцой!

Это небо так неотвязно,
Оно чёрное, оно красное,
«По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь».

На земле, где кустарник казнят,
Что, скажите, поэту делать?
Хоть в Россию беги, назад,
Бузина там ещё зеленеет!

Бузина зелена, зелена,
Ты очами её потрогай!
А ещё – красна и черна!
А ещё – может быть багровой!

Говоришь, что сладка, как яд!
Что собой тебя пропитала!
Что ж в Россию глядишь, назад?
Разве там только поспевает?

2007. 02. 06

Может, Анна больше медиум,
Сфер гармонии созвучна,
Больше в сферах запредельного,
Больше в сферах вездесущих!

Ты, Маринушка, всеядна,
Необузданна донельзя!
Дионисий ли Менада
Или просто – русский гений?

Или просто – бунт России
Выразила всем протестом!
Необузданность стихии –
В рамках рвущегося текста!

Залихватская игривость
Бездн, разбуженных бедою,
В твоих текстах воплотилась
Переломанной строкою!

Эта броская нервозность
Всех анафор внесистемных
Будто выраженье горя
По Росии убиенных!

Анна будто отстранялась
От разгульности преступной!
В сферы горние вступая,
Не поэтам – недоступным!

А точнее – не поэтессам!
Сколько женственных прозрений!
Медиум пространств окрестных
И времён гетерогенных!

2007. 04. 10

Уважение к исключению...
Мы сейчас только, в постмодерне,
Эту истину исповедуем,
А тогда мы о ней не ведали...

Уважение и к инакости...
К самобытности исключительной!
В них – божественного сияние
С большей силою, с большей силою!

Ибо всем, недоступным коду,
Нонче оды поют признания,
Чтоб осталась людей порода,
Неподвластных законам стада!

Ах, попробуй сманипулировать!
Не получится, не получится!
Слышу поступь девы Марины
По Парижу, Медона улицам!

Слышу поступь девы Марины
В закоулках древнего Каунаса!
Ибо истинность неизбывна,
Неподвластна унификации!

А в тебе, как нельзя отчётливей,
Доли женской взлёты, падения!
Оттого-то в пространство просишься
Ты, рождённая не ко времени!

В подсердечьях живущих граждан
Ты отмериваешь десятины,
В сердцах всех, тебя прочитавших,
Полюбивших тебя, Марина!

2007. 02. 07

О, эта ноша нелюбви!
Что я вам сделала?
Что я была не той крови,
Не того племени?

Что я сияла слишком ярко?
Вы для того с собой подарки
Отравленными принесли,
Что я была не той крови?

2007. 02. 07

*«До первого чужого,
Который скажет: «Пить!»
М. Цветаева*

Жить хотела без симуляции,
Жить хотела, как полагается,
Без притворств, без пиара ложного,
Чтоб – по образу, по подобию!

Но разлуки, как вьюги лютые,
Тебя с младости в стужу кутали,
Сокровенное отнимая
С ранней юности, с детства самого!

Может, в этом причина всеядности,
Чтоб насытиться впрямь до крайности,
Чтоб насытиться до чрезмерности,
Чтобы было сказать что первому

И чужому, пить попросившему,
Ибо ведела голод сызмальства?
Может, в этом причина вызова,
Что не дадено то, что истинно?

2007. 02. 07

Состояния пограничные!
Будто столько адреналина,
Что иначе – тебе скучновато,
Пограничные состояния!

Раз любовь – это значит, до смерти,
Чтобы жилы под кожей – Стиксом!
Для чего тебе эти сложности?
Для того, чтобы словом – жимолость!

Будто жизнь для тебя заложницей
Дара певчего, дара певчего!
Состояния невозможности,
Состояния запредельности!

2007. 02. 07

«Есть взамен пожизненной
Смерти – жизнь посмертная».
Видно, ты, Маринушка,
Знала о смирении!

Знала – нужно выдержать,
Выстоять, спастись
В этих быта вызовах
Смерти вопреки!

Вопреки всеядности
Чёрной пустоты...
Встанешь – утро раннее,
И в тетрадь – стихи!

Что бы там ни делалось!
Мир с ума сошёл!
Знала о смирении!
И писала – в стол!

2007. 02. 07

Хаоса порядок
И делира новь!
Эта первозданность
Сотворённых слов!

Кое-где бессвязным
Кажется делир!
Это только кажется –
Хаос во плоти!

Хаоса порядок –
Ломкая строка!
Этих состояний
Пограничность впрямь!

Страсть ведь нелогична!
Это и воспой!
Женственность осмысленна,
Новой речи строй!

Ты – первопроходка,
Дурас Маргарэт!
Автор речи новой,
Нам полегче – вслед!

2007. 02. 07

Кусты не служат, а боготворят!
Вот какой слог тебе, Марина, ведом!
Ах, отчего же трудно так
Жила – страдая, веруя?

Ах, это просто виноград
Налился! Это просто ливень!
А виноградины смарагд
Идёт куда? Куда? На битву!

На битву меж добром и злом...
О, как торжественно движение!
Лозы натянутой излом,
Запечатлённое мгновенье...

2007. 02. 07

Может, ты, Марина, юродива...
Ни признания, ни богатства...
Оттого-то правду глаголила
Ты и людям, и государству!

Будто ты из века одиннадцатого,
Лишь духовное в тебе сущностно,
Ты как будто мечтала об истине,
Ты как будто нам всем напутствие!

Ты – как Ксения Петербургская!
Ведь любовь велика до святости!
Просто где-то мы всё напутали,
Потеряв не одну заповедь!

Что кончиной сказать пыталась?
Твоя жизнь – как призыв к спасению!
Ты юродива в чём-то явно!
От России менталитета!

Будто в чём-то мы изуверились,
О соборности позабыли...
Как моление о доверии
Твоя жизнь и судьба, Марина!

2007. 02. 07

«Я виртуоз из виртуозов

В искусстве лжи».

М. Цветаева

Марина, самолюбование
Правдиво вплоть до невозможного!
То, что обычно все скрывали,
Ты открывала взору!

Ты говоришь: я очень лжива!
Полячка я, наследственность!
Но оттого ещё красивей,
Невинная в кокетстве!

Я лгу всегда, и вся природа
Лжёт, воплощая женственность!
Ах, я ведь родилась такою –
Полячкою, кокеткою!

Твой независимый анализ
Любого проявления
Слегка был даже беспощаден,
А люди верили...

2007. 02. 08

«Царь-Девичество живу, беззаконницей».

М. Цветаева

Царь-Девичество жила, беззаконницей!
Даже в юные года слыла вольницей!
Правду знала ты свою сокровенную,
За неё – да хоть в аду! Была смелой!

Мир пыталась создавать виртуальным,
Слишком ложно было то, что реально!
Может, в чём-то удалась сверхзадача,
Коль искришься вся в стихах смехом,
плачем!

Коль искришься вся в стихах Царь-
Девичествой,

Ты законы создала на странице!
В том особая твоя государственность –
Драгоценная моя, сверхдержавная!

2007. 02. 08

«Амур свои два крылышка

На валенки сменял».

М. Цветаева

Амур сменял крыла на валенки!
А ты, Марина, это марево,
А ты, Марина, море адово
На чердаке пережила!

Ты говорила, что – каюта,
И в досталь было там уютно,
И в небо паруса раздуты,
Амура пятка розова!

Володя Лиле нёс морковку,
В Москве двадцатых – лютый холод,
И всё ж, одолевая голод,
Амур бескрылый восседал!

Любовь жива, хоть и бескрыла,
Любовь запорошила жилы,
Но скоро, скоро почки вспыхнут,
И разговееется Москва!

Но не забыть, как ни пытайся,
Эпох не вегетарианских,
Когда два крылышка прекрасных
Амур на валенки менял!

2007. 02. 09

*«Что я писала – чернотой крови,
Не пурпуром чернил».*
М. Цветаева

Да, ты писала чернотой крови,
Не пурпуром чернил!
И век тобою коронован,
Который не щадил!

И век тобою коронован,
Ибо в твоих стихах
Остался ужас подворотен,
Животной боли страх!

И век тобою коронован,
Ибо в пыли руин
С пером склонялся щуплый кто-то
И летопись вершил!

Что было с веком, всё совпало!
Чтоб правду воссоздать,
Ты не чернилами писала –
То чёрной крови явь!

Ты – не чернилами, а телом,
Ибо во все века
Жива вакансия поэта –
Она «опасна, если не пуста».

2007. 02. 09

«Так музы к смертным иногда
Напрашивались в любовницы».
Музой ты, Лилит была
В страсти неужённости!

Весь реестр доступен был
Клёкота неистовства!
Ты была, как следопыт,
Ты по следу рыскала

Всех, кто мог бы оживить
Страстность первобытную!
Ты в любви была Лилит,
Пусть не раз покинутой!

Музой в страсти ты была,
К смертным нисходила!
Для чего? Чтобы строка
Заново светила!

От земных своих примет
В небеса прорвалась,
Оттого, что ты – поэт,
Хоть и баба малость!

2007. 02. 09

Раз, Марина, приехав в Чехию,
Ты не к людям пошла – к деревьям!
Ты – прямёхонько к Авессалому,
Заунывны Сивиллы стоны!

От сует ты бежала в свет,
В серебро струящихся нитей!
Это – ивы прощальный жест!
О, усталость от всех наитий!

Позже, в Париже голодном,
«Деревья бросаются в окна»!

2007. 02. 05

Как Марина преуспела
В постижении адюльтера!
Нам представила анализ,
Аналитикам на зависть!

Ах, как руки опускались
Тела вдоль!
Как бесстыдством упивалась,
Срамотой!

Как потом о том жалела
Наизнос!
Это – постиженья тела
Парадокс!

Это будто удивленье –
Что со мной?
Не утетишься коллекций
Новизной!

Ты разгульную свободу
Привнесла,
Свою женскую природу
В ткань стиха.

Эта женская развязность –
Слом эпох!
Бунт российский разгулялся
В строе строк!

2007. 02. 05

«Той России нету,
Как и той меня»!
Что сказать на это?
Правда так горька!

Всё переменялось
На людских путях!
Нету той России,
Как и той меня!

Всё, во что мы верили,
Под пятою – в прах!
Векторы движения
Трудно осознать!

Вера всё же зиждется;
Всё перетерпя,
Обе возродимся –
Родина и я!

И – куда-то кверху,
Отпустив гортань:
«Той России нету,
Как и той меня»!

2007. 02. 11

*«Я сегодня взяла тюльпан,
Как ребёнка, за подбородок».*
М. Цветаева

Тюльпан – за подбородок,
Как ребёнка!
Возможно всё!
Ведь если ты – поэт,

То вёсны водят хороводы,
Цветёт поэма, как шиповник,
И осень кликает по-вдовьи,
И нескончаем яблонь цвет!

И мирозданье постижимо,
Если поделится волна,
Как воссоздать прибой ритмы,
Запомнив формулу цветка.

2007. 02. 11

*«Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви».*
М. Цветаева

Всё воедино – смерть и боль,
И хаоса первопричинность!
Боль не старше, чем любовь,
О нет, Марина, ты ошиблась!

Боль, может, старше красоты –
Ибо из крови выходила,
Дрожа от локон до ступни,
Пеннорождённая богиня!

Тартар и Эрос, и Эфир,
И Хаос, Гея иже с ними!
Сказала – боль старей любви!
О нет, Марина, ты ошиблась!

2007. 02. 11

Поняла, что в тебе так нравилось!
Просто всё у тебя – до крайности!
Коль любовь – то пусть небо плавится!
Коли блуд – то пусть все на паперти!

И всё это при том анализе,
Где нет места для симуляции,
И всё это – во ткань метафоры,
И всё это – в эпитет красочный!

И всё это – речью такую,
С той насыщенностью экспрессией,
Будто вправду ты с Богом в споре
За создание слога первенства!

За создание идиолекта,
От которого кожа – зыбью!
И спонтанность – почти от детства,
От Сивиллы – афористичность!

Когда мысли неординарны,
Будто лет – далеко за тысячу!
Эта вызова первозданность!
Эта женская беззащитность!

2007. 02. 13

«Век мой – ад».

«А я – до всякого столетья».

М. Цветаева

Век для тебя – ад!

Век волкодав – Осипу!

Вас обоих не спас,

Вас, золотоголосых!

Вас, золотой запас!

Русской культуры залежи!

«Не до правнуков мне – стад!»

Как велико отчаянье!

Как силён в тебе гнев!

«Век сей не мой», – сказала!

«Каков на дворе век?»

Что-то из Пастернака...

Или – тысячелетие?

Всё ли теперь равно?

Все до времён поэты!

Все – столетия «до»!

Все поэты – вне времени,

Им Вселенная – мать!

Это ты нам поведала,

Слушая зов пространств!

2007. 02. 13

«Вместе ответим, Земля!»

М. Цветаева

Вместе с Землёй

К Богу на суд – Марина!

А заодно –

Птицы, деревья, любимые!

А заодно –

Федра, Сивилла, Гамлет!

Сонмы богинь, богов!

Как ты, Марина, всеядна!

Ты щедра, как Рабле!

Плоть и впрямь безотказна!

Будто – Пантагрюэль

В пиршества яствах!

Будто – Гаргантюа!

И – во всей неуёмности!

Вместе с тобой, Земля,

Видно, недаром – к Господу!

2007. 02. 13

Грех ли симонии?

Оттого ль терпела,

Оттого томилась

И душой, и телом?

Духа нам святого!

Духа вдохновенья!

Всё тогда возможно!

Вскроем все резервы!

Чтобы пламя сих таинств
Душу не покидало,
Сиганём даже с храма,
Станем Симоном-магом!

Так с божественной силой,
Силой духа святого
Мы тягаться привыкли,
Мы творим, словно боги!

Мы трагедию взлёта
Свыше сил постигаем,
Образцово и просто
Жить ведь даже пытались!

Или козни Шайтана
Этот дар вдохновенья?
Пуще Симона-мага
Вызова наслаждение!

Духи не поддержали!
Пётр сказал – отойдите!
Запредельная плата
За полёта попытку!

Запредельная плата –
Крыльев вздрог!
За полёта желанье,
За полёта восторг!

2007. 02. 15

Ты жила в системе сверхзадач,
Но сама об этом ты не знала!
Шутка ли – иную речь создать –
В ней Вселенная дышала!

Шутка ли – создать идиолект,
Но – с космическим размахом!
Ты – свою создала речь,
Ты – преемница Адама!

Ты – как Геры ипостась!
Небеса родить – игрушка!
Был любимейшим дитя!
Был возлюбленнейшим мужем!

Как Урании душа,
Первобытность отзовётся
Там, где ключьями – слова!
Там, где рытвинами – голос!

Мощен столь императив!
Столько требований грозных
Всем законам вопреки
Построений стихотворных!

Пусть иной поэтессы слова
Всей судьбы твоей – оправданием:
«Сколько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает!»

2007. 02. 20

Стало мало женской доли –
Хочешь Господа юдоли!

Говоришь – мне всё подвластно,
В сём земном и тёмном царстве!

Говоришь – мне всё известно,
Я ведь ангела небесней!

Говоришь, что после смерти
Будешь всех подруг прелестней!

«На встречах женщин тех –
живых, счастливых –
Горжусь – как смотришь – и
ловлю слова!
«Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!»

Ты говоришь, что знаешь все не встречи,
Всех встреч познала неги стон!
Ах, девочка! Иль дух вочеловечен
Сверх мер? Ты – как Адам Кадмон?

2007. 02. 24

Верить в реинкарнацию?
Думаешь – снова явишься,
Лучше – с косою длиною,
Лучше – девой Кориною?

Верить в реинкарнацию?
Думаешь, роли меняются?
«В будущей жизни – любо глядеть –
Ты будешь плакать, я буду петь».

Глухонемою жаждешь
Вторичный отмерить срок?
Если люди – как скалы,
Лучше – глухонемой!

Это – в Москве двадцатых
Где-то на Пасху – в стол!
Коль так явна инакость,
Лучше – глухонемой!

Эта же сиротливость
В свете чужих сорбон!
Спелой рябины кисти...
Им до земли поклон...

И с удвоенной силой
Вызова резонанс:
«Но я предупреждаю Вас,
Что я живу в последний раз».

Там, в космических высях,
Женские голоса:
«Как ты сейчас, Марина?» –
«Анна, назад – айда?»

2007. 03. 05

Крайностей сестрица!
Парадоксов дщерь!
Чтоб – за край землицы,
Если больно здесь!

Видно, скучновато!
Знала отродясь –
Что материально –
Не твоя стезя!

А твоя – духовность?
Гнёт греховный груз!
Воплощённость в слове,
Запредельном пусть!

Пробовала – бабой,
Выжить хоть бы как!
Видно, не по нраву!
Видно, не смогла!

В чём твоя загадка?
В чём кончины свет?
Что материальность
Меньше, чем поэт?

Что твои бесчинства?
Что метаний тьма?
Дух себя осмыслил,
Крайностей сестра!

В этом твоя ценность,
Что постичь смогла
Суть предназначенья –
Верила, ждала!

Хоть была поэтом,
Баба ты вполне!
«Бог! Не суди! Ты не был
Женщиной на земле».

2007. 02. 28

Синтагма не равна строке!
Как будто вьётся по конструкции...
То задыхается, то нет,
И равен впрямь придых конвульсии!

Твоих пульсаций круговерть,
Твоих вибраций концентрация
Мне подтвердят – ты неба дочь,
Земле не дочерью, а падчерицей!

Такой энергии приток!
Под силу ль Афродите пути?
«Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?»

Ты вправе так вполне спросить,
Ибо меняешь профиль жанровый,
Вибрирует и вьётся стих,
И отзывается в читателе!

Ты – с Афродитой наравне!
Что ревности тебе зевесовы?
Богиня бродит по земле,
Богиня русичей словесности!

2007. 02. 28

Неистовая в любви!
Что истинно? Только стих!
Что истинно? Только ритм!
Неистовая в любви!

Всё в жертву тому огню!
С безмерностью в мире мер!
Где грани и уст, и уз?
О, своеволие кибел!

О, своеволие асарт!
О, своеволие иштар!
Неистовая моя,
Себя отдавая нам!

Анализ жеста даров!
Анализ света седин!
Что отдано, то твоё!
Неистовая в любви!

2007. 02. 28

Рефлексия в тебе, афористичность:
«Быть восхищённой и восхищенной».

Всё подытожат бывшие любовники,
И – нехотя, как бы вполголоса:

«Все спящей видели её,
Никто её не видел сонной!»

А в мастерской – твои в набросках
То фас, то профиль горбоносый...

Вся жизнь прошла. Утихла Прага.
Всё стерпит белая бумага.

Вся жизнь прошла. Мосты, кварталы
Какой-то страсти небывалой...

2007. 03. 05

На пьесу «Ученик»

А, может, сюрреализм –
«Юбочку ты носил».

Может быть, сверх всех норм –
«Помост мне будет алтарём»!

Может, игрища в смерть?
Как ты могла посметь?

Рифма: танцор, топор...
Может быть, перебор?

Но даже в этих дикостях
Жалко тебя, Маринушка!
Но даже в этих крайностях
Жалко тебя, гениальная!

Вроде, не христианочка!
Жалко тебя, моя славная!

2005. 03. 05

*«Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует».*
Ф. Тютчев

Пуще что любви кабацкой?
Чту есенинский размах!
Если ты нацеловался,
«Не платить – один устав»!

«А насытился любовью, –
В очи плюнь, – на то рукав»!
Кто склонился к изголовью?
Может, первородный страх?

Он у Анны остриём был
В сенях хладных топора...
У тебя ж – разгульной воли
Запредельная беда!

У тебя ж – не та личина,
Что – дворянкам отродясь!
Разухабистость перины
Душ не призвана спасать!

Ах, Марина, чужеродность
Строк сих теперь ясна!
Наплевать мне на народность,
Коль ценою – жизнь сама!

Если платой – беспринципность,
Что нам нравственный закон!
Ах, Марина, целой жизни
Несказанный, жуткий сон!

2007. 03. 05

«Не говори «Марина» никому»...
И – далее, уже в двадцать четвёртом,
Ты, оду вопия концу,
Заговоришь о том же...

«Не говори, Марина, обо мне,
Не говори всем следующим, слышишь!»
Любовь нема, обманна речь,
Смерть расставаниями дышит.

2007. 03. 05

«Я научилась просто, мудро жить».

А. Ахматова

«Я счастлива жить образцово и просто».

М. Цветаева

Кто научился просто, мудро жить?
Кто научился – просто, образцово?
Две женских пламенных души,
Но – об одном, и то же слово!

Кто научился, одолев свой нрав,
Кто научился – пагубность гордыни!
Себя в скоромности смирять
Так, как писания учили!

«Я научилась просто, мудро жить».

И – словно муки отголосок,

И – словно неба изразцы:

«Я счастлива жить образцово и просто».

2007. 03. 08

«Молодость! Мой сапожок непарный!»

М. Цветаева

Как ты мучала меня
Сокровенной мощью!
Кровь играла, пламеня
Воспалённый мозг мой!

Сколько бед мне принесла,
Молодость угарная!
Сколько, словно горла спазм,
Принесла страдания!

Не умела я тебя
Воплотить разумно!
Всех встречала, кто позвал,
Всем тянула руки!

Не умела осознать
Я твои щедроты!
Эти песнопенья магм,
Чувств круговороты!

Эта страстность, истомив,
Парализовала!
Это – мощь Святогоры,
Неподвижной стала!

Вытерпела, как могла,
Муза утешала!
Не хотела, не сняла
Сапожок непарный!

Будто Анна я Перенна,
Рима лучезарность!
Не сорвала, не сумела
Листик календарный!

А Марина отпустила –
Мол, пошаловали!
Я ж – Сивилла, Герофила –
Вечно молодая!

2007. 03. 08

«Только бы уст, только бы рук
Не перепутать!»
Марина, откуда блуд?
Марина, откуда распутство?

Иль Иванова башня
На-бе-кренъ наклонилась,
Словно башня Пизанская,
Затемнив пол- России?

Иль Дионисий пожарища
Разум так изводили,
Чтобы потом, каючись,
Ты выводила имя?

Ах, кольцо обручальное!
Что же ты не спасло?
Ах, эта доля бабья!
Боже, как хорошо!

2007. 03. 08

*«Свобода – гуляющая девка
На шалой солдатской груди».*
М. Цветаева

С кем, Марина, дискурс?
Утолила искусу?

С кем нашаловала,
Чтоб стихами – лава?

Чтоб взорвали строчки
Клейкие листочки?

Чтоб земля дышала
Словом первозданным?

Всё сойдёт за плату!
Первобытность такта!

Утолила искусу?
Текста первобытность!

Ах, моя Марина!
Что за строчек диво!

Ах, моя Россия!
Мартовские иды!

2007. 03. 09

«Божий бич, приветствую тебя».
М. Волошин

Жест – имплицитен!
В коде – поклон!
В этом – Марины
Реет лицо!

Речь разговорна!
Сколько всего!
Краткость – законом
Сущностного!

Сколько за кадром!
Жест предрешён!
Эллипсис – сжатость!
Взлёт над концом!

Будто бы лейтмотивом
Красная колея!
Ах, если б были живы!
Если б была жива!

Жертвенность всей России,
Ты повторишь судьбой!
Иль искупление – поныне?
Иль над страной – рок?

2007. 03. 10

*«И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других».
М. Волошин*

Жертвенная кровь стекала,
Кровь поэтов и царей!
Так Россия искупала
Преступленья на земле!

Реками российской крови –
Кровь невинного Христа!
Или впрямь страну готовил
К искупленью Сатана?

«Пушкина – на снег!
И Шенье – на плаху!»

«Пушкина – под дуло пистолета!
Достоевского – на эшафот!»
Боже, как знакомо это!
Макса ли, Марины слог?

2007. 03. 10

*«Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного суда...»
М. Волошин*

Не торговать нам голубями
И овцами не торговать!
Молиться Богу будем в храме,
Чтоб души, наши души спас!

Чтоб спас Господь страну Россию,
Чтоб спас поэтов всей земли!
С «Россией» рифмою «Марина»,
И – свет немеркнувшей свечи!

Какой ценой строка рождалась,
Поэт лишь знает да Господь!
Мы не торгуем голубями!
Мы в храмах возлежим крестом!

2007. 03. 10

Ты – не много и не мало,
Себя к Богу приравнила!

Говоришь – я есмь и буду,
Душу я твою добуду!

Говоришь – со дна достану!
Смертью я твоею стану!

«Есмь я, и буду я, и добуду
Душу – как губы добудет уст

Упокойте льница».
Ах, соблазнительница!

2007. 03. 10

*«Недр достовернейшую гуцу
Я мнимостями пересилю».*
М. Цветаева

Думаешь, то, что реально,
Более чем сомнительно!
Смоем материальное!
Мнимостями пересилим!

Думаешь, песней станешь,
Веткой будешь мерещиться!
Бытие – не реально!
А реальное – песня!

Думаешь, в виртуальности
Можно плотнее слиться?
Ах, моя несказанная!
Выживанья попытка!

Если мечтанье – иллюзия
Самая искушённая,
Все мы соблазном нагружены,
«И всё это были подобию»!

Ты, словно Вишну поддакнув
О бытия иллюзорности,
Скажешь – лишь песня реальна,
Та, проживаешь в коей!

2007. 03. 11

«Время! Я тебя миную!»
М. Цветаева

Ты впрямь вне времени, Марина!
Ты – мимо времени, ты – минешь!

Что нам каких-нибудь сто лет!
Ты – сразу в вечность! Первопродник!
Ты – до круговращения магмы!
Всё от того, что ты – поэт!

Ты знаешь скрытые истоки!
Они во сне к тебе приходят!
И оттого – ты будь спокойной!
Превыше даже бабьей доли
Твои стенанья на земле!

Ибо – до всякого столетья
Весь этот страсти тёмный лепет,
Весь этот трепетный и нежный,
Рождённый в недрах божий свет!

И пусть судьба не пощадила,
Ты время пропустила мимо,
Стихами к Господу поспев!

Не время судия поэту!
Марина, ты ведь знала это,
Свой проклиная страшный век!

Ибо – до всякого столетья
Тебе известны те и эти,
И все помянуты в мольбе!

2007. 03. 11

*«Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал».*
М. Цветаева

Как будто вечности корпунктом!
Как будто бы аккупунктуру
Земного бытия зарубки,
Тебе известные подспудно,

Подушечками тонких пальцев,
Всех в перстнях, не золотых пусть,
Ты, настигая, постигаешь,
Ты открываешь поминутно!

Ты оглашаешь – мне известно!
Пройти, не оставляя следа,
Лишь насладясь – и я была здесь,
Мне этот мрак блаженства ведом!

Вот что дано тебе, поэту,
Прах платья плоти облаченья
Исследуя самозабвенно,
Прах плоти женской!

2007. 03. 11

*«В летописях и лобзаниях
Пойманное...»
М. Цветаева*

Ах, Марина! Ах, Марина!
Индуисточка моя!
Знала ты, что растворимо
Время, в страсти затаясь!

Совершая акт любви –
В ней Вселенная живёт!
Ею дышит, дышит Космос –
Нут, София, Ахамот,

Шива, Деви и Парвати,
Мироздание верша!
В страсти время застывает,
Первомагма бытия!

Нет тогда ни слов, ни вздохов,
Как первична лепота!
Только грусти неподъёмность,
Предвкушения волжба!

2007. 03. 11

«Раной как розаном
Соупиваться!»
Ах, моя рódная!
Что за напасти!

«Нет имени моим
Потерянностям».
Ах, не спеши!
Исчислить успеется!

Всё – запредельно!
По мере высшей!
В этом ли прелесть?
Сжатие смысла?

Чувств концентрация –
Смертным не снилось!
В этом ли замысел
Высший, Марина?

2007. 03. 13

*«Ты меня омыла,
Как волна».
М. Цветаева*

Исструение... Издарение...
Израильской дочерью –
Магдалина? Марина?
«Волною тела»...

«Потом всех нег»...
Во времена евангельские
Была бы одной из тех...

Во времена евангельские
Может, и я б – с тобой!
Сколько же недосказанности!
«Это – воспой!»

Только Он пожалеет!
Только Он всё поймёт!
Мы перед ним – елеем,
Прежде – ходившие еле,
Ныне – омыв волной!

2007. 03. 18

«Ахилл на волю».
М. Цветаева

Ты – вся из кличей, криков,
Маринушка моя!
Ты будто первобытна,
Основой – предикат!

Ты – действие сплошное,
Сплошной императив!
Как синтаксис издёрган
В канве твоей строфы!

Как будто мочи нету
Всё складно описать!
А выкрики подтекста –
Как средоточий тьма!

Как будто заклинанья
Все выклики твои!
Первотворенья магия,
И Этной – стих!

2007. 03. 18

Побег

1.

Перрон давно пропал!
Моя постмодернистка!
То «Завтра» на парах
Проносится небывших!

А жизни будто нет,
И словно не бывало
Ни сладострастных нег,
Ни воплей расставанья!

Ни ног уже, ни рук.
Что дымовая опушь?
Чу – приближенья звук!
Реален поезд!

А рельсы в два ряда
Лежат и зазывают...
Как в блоковских стихах –
Всё жалость!

2.

Ты знала конечность станции!
Бессмертием называется!
«Завтра» своё выглядывала,
Только провозглашала:
«Поезд. Бомбист!»

Ах, кокетства беспамятство!
Предсказания сбылись!

Столько себе накликала!
Ах, пророчества дар!
Это – участь великого!
Провод. Сибирь. Загар.

2007. 03. 18

«Елена, старься!» – приказала!
Ну, кто б такое мог позволить?
Мир для тебя беднее Спарты,
Мир – прокажённых лепрозорий!

«Есть рифмы в мире том
Подобренные», – изрекала!
«Прекраснейшая из жён!
Сладострастнейшая Спарты!»

«Елена, старься!» – обронила!
Так соразмерность восстановим!
Ты так порядок наводила,
Щедроты возвращая Трои!

Ибо, коль хаос – непорядок!
Разрознен хор!
Подобренные на развалинах
«Есть рифмы в мире сём»!

2007. 03. 18

Равномощен, равносилен,
Равносущ мне, милый, в мире
Ты один. Единство крови.
«Ты одна мне бровью вровень».

Боже, как это знакомо!
Встанем вровень –
Бровью к брови!

Боже, как это отрадно –
Дрожью рёбер
Вровень встанем!

Боже, как это понятно –
«Не суждено, чтобы равный –
с равным».

Боже, как это законно:
«Ревностны боги
К земной любви».

Ах, равномощен!
Ах, равносилен!
Ах, равносущ!
Милый, побудь!

2007. 03. 18

Ты не хотела вырастать, Марина!
«Дай смерть в семнадцать», – говорила!

Ах, отчего я выросла большая?
Как удивлялась!

Что впереди? Какая неудача?
Во всём обман и – ах –
на всём запрет!
Так с милым детством я прощалась
В пятнадцать лет.

Что тут сказать? Что тут ещё добавить?
Страх перед жизнью изначален!
Как будто ты, Марина, знала,
Что ожидало!

В двадцатом веке убиенном
Сад Люксембургский не востребован!
В двадцатом веке изуродованном
«Ты сам мне подал – слишком много».

Вот так ты обращалась к Богу
В двадцатом веке, на пороге.

2007. 03. 25

«Любить немножко – грех большой».
М. Цветаева

Не боишься быть нелюбимой!
И разлюбленной – не боишься!
Так большие экрана мимы
Не стесняются некрасивости!

Основное в тебе – правдивость!
Разобраться в первопричинности!
Не боишься быть нелюбимой!
Для поэта чуть планка выше!

Оттого, может, доля бабья
В тебе щедро так узнаваема,
Что ты есть, а не только кажешься,
Что не хочешь казаться правдою!

Пусть в грехе, пусть в беде, в разлуке,
Пусть в измене непонимания!
Все нюансы тобою узнаны,
Все извивы тобой разгаданы!

Пусть извивов – переизбыток!
Пусть их тяжести и не вынесла!
Не боялась быть некрасивой!
Была времени летописцем!

В этом – высшая эстетичность!
В этом – сущности женской максимум!
Показать свою сущность истинно,
Не отделаться камуфляжем!

Ведь не скажет гора: я – дерево!
Соловей не крошится глиною!
Не признается красна девица
Как же горько ей – нелюбимою!

2007. 03. 25

Может, о тебе пишу, Марина,
Чтобы душу твою искупила!

Чтобы я своим анализом –
Перед Богом оправданием!

Чтоб простил неутолённую,
Видя суть твою исконную!

И душа чтоб не скиталась,
Обрела своё пристанище!

Та душа, что вместе с веком
Постигала перипетии

Света, тьмы борьбы всемерной
Каждонощно, каждодневно,

И ещё – во время оно –
Меж мольбой и тишиною!

2007. 03. 29

*«Как я хотела, чтобы каждый цвёл
В веках со мной! Под пальцами моими!»*

М. Цветаева

Где другие умолкали,
Правду говорила!
Оттого ты так играла –
Речь близка делиру!

Этой страсти ненасытность,
Страти неуёмность!
Хочешь бытия, не быта!
Хочешь безусловности!

Всё сидела да писала
В чувств единоличье!
Просто рухнула держава,
Множа хаотичность!

Ты о страсти своей женской,
Очень непутёвой –
Максимально откровенно,
Только речью новой!

Не было досель в поэтах
Некой Царь-девицы,
Чтоб вещала без зазрения
Как одной не спится!

Как ей хочется на волю,
Овладеть всем сразу!
Этих дерзких двоеточий
Многие стеснялись!

Оттого так современна
В веке двадцать первом!
Может, даже и бессмертны
Эти откровенья!

2007. 03. 25

О, концовок твоих безумство!
То ли конь в скаку аравийский,
То ли – Райнеру прямо в руки
Ты – послание, словно жив он!

Жизнь, как текст у тебя – понятно!
Но не жизнь у тебя – всё текстом!
Там и рифмы есть лучезарные,
И тире занимает место

Территории – в пол-участка!
Просто дух твой – как это небо!
Как концовки твои прекрасны!
А недуг твой – он был иль не был?

Жизнь, как текст! Это ясно, право!
Но не жизнь у тебя – всё текстом!
Оттого и зовёшь ты: «Райнер!» –
Ваши рифмы созвучны вместе!

2007. 03. 27

Стол на шесть душ не накрывай!
Есть я, седьмая, иль не ведал?
Прибор поставь иль не поставь –
Я сяду слева!

Вот мать твоя, отец и брат,
А вот – второй, а вот – ты рядом!
Красавица твоя жена
Хоть призрак, а сквозит духами!

Что мне тут делать? Не родня!
И, может, даже и не ровня!
Чем пугалом там, где Бедлам –
Среди живых – я – среди мёртвых!

Как зыбки грани меж миров!
Родной, Вы знаете, не правда ль?
Я рядом сяду, я – седьмой,
Я в хрустале не отражаюсь!

Дух Рильке также прилетал...
Ведь Новый год, поздравить надо!
За Вас, за Вас звенит бокал –
Меня не посадивший с краю...

2007. 03. 28

«Рукопись – стриг!»
М. Цветаева

Что за крайностей твоих синтез!
Будто хлещут односоставные!
Ах, сравнений твоих гипер-!
Ах, любовей твоих максимум!

Это больше, чем точка кипения!
Квинтэссенция концентраций!
Это – нечто от запредельного,
Так, что мало нам не покажется!

Эти эллипсисов стенания!
Эти выкрики всех неполных
Всех подвидов – твои суставы,
Бессказуемостны твои корни!

Речь, коль надобно, разговорна!
А коль надобно – выше нету!
Будто знала ты подворотню!
На Парнасе была поэтом!

Жизнь стихами хлестала кровью,
Иногда лишь текла по жилам!
А поэтам не надо кровли –
Быть бы живу!

Твои тексты – всего лишь тело!
Не кромсайте, как тело Пушкина!
Отойдите, уедьте, цензоры!
Твоё тело стихов воздушно!

А поэзия – как предчувствие!
Жизнь реальная – лишь подтекстом!
Манифестов твоих безумство!
Апелляций твоих чрезмерность!

Чтоб спасти свою душу божью,
Очесами внутри – без оглядки!
Твои эллипсисы незаконные!
Твои наглые односоставные!

Эта замесь оксюморона,
Невозможное чтоб – возможным!
Что за преффиксы опозоренные!
Что за постфиксов неужёдность!

Что творила с полиссемией!
Все запреты – долой, на свалку!
Что с героями сотворила!
Как любовников призывала!

Жизнь давно превратилась в тексты!
Твоё тело – цезурой стало!
Я прошу – не стригите, цензоры!
Не корняйте так – умоляю!

2007. 03. 27

Куда? К троллям на бал?
К замороженным принцам?
Деревья идут по ночам
На водопой напиться!

Деревья идут по ночам
«В чёрном бессильном гнев».
Россия сошла с ума
В это зимнее время!

Россия сошла с ума!
Декабрь шестнадцатого!
«Ох, узка подземная кровать»!
Как же хочу проспаться!

2007. 03. 25

*«Что другим не нужно, несите мне –
Всё должно сгореть на моём огне».
М. Цветаева*

Всеобщность, всемерность, всебытность!
Во всём ты, Марина, явилась!

Любовником – каждый прохожий!
Его ты почувствуешь кожей!

А утром, оправившись еле:
«Мировое началось во мгле кочевье»!

2007. 03. 30

*«Я только
Раковина, где ещё
Не утих океан».
М. Цветаева*

Ты – из времени сакрального, Марина!
Не из времени профанного, что мимо

Всех твоих подобий пролетало!
Ты, Марина, из творенья магмы!

Хоть душа и воплотилась в теле,
Больше в тебе духа, чем материи!

Оттого-то, полонив ресницы:
«Он говорит, что в мире всяк нам
снится».

Оттого-то, войдя во вкус:
«Друзья, поймите, что я вам снюсь».

2007. 03. 30

*«Солнце – моё! Я его никому не отдам!»
М. Цветаева*

От кого спасаешь Солнце?
Веришь в Апокалипсис?
Или Солнце – твой любовник,
Оттого стенания?

Или Солнце не сжигало
Губ твоих, Марина?
Отчего ж его спасаешь,
От кого – ретиво?

Иль ты впрямь – довременная,
Из времён мифических
Твоих песен заклинанья,
Жертвенность воительниц?

2007. 03. 30

Оттого, что ты, Маринушка, грешница,
Оттого, что ни на есть, современница!

Оттого, что отродясь – что не следует,
Ты бы явно прижилась в новом времени!

Оттого, что ты вольна, неразборчива
Ты нам попросту своя, своя в досточку!

Что не пыжишься ничем, не
жеманишься,
Сразу в двадцать первый век
принимаясь!

Что не хочешь быть не тем, чем не
числишься,
Сразу в двадцать первый век обществ
сливками!

Твоя бабья судьба максимальная –
Параллельная моя, парадоксальная!

Оттого ты так близка – нету ближе,
Что могла сказать: «Грешна!
Подсобите!»

2007. 03. 30

*«И вот за то тебе спасибо,
Что, цепenea,
Двух звёзд моих не видишь, ибо
Нашёл вечнее».*
М. Цветаева

Палитра вся – от гневного «Люби!»
До тихого «Спасибо, что не любишь»!
Размах твоих вселенских крыл
Объял водовороты судеб!

Ты говоришь, что Макс стал рядовым,
Что равным стал – известен способ!
«В великой низости любви»
Нет ни регалий, ни высочеств!

И всё же диву я даюсь –
Откуда же тебе известны
Нюансы все страстей и бурь,
И отречений неизбежных?

2007. 03. 31

То ли космичность камерна,
То ль ты сама – космична!
Ты ведь довременная!
Супермифологична!

Будто слои культуры
Сущности не касались...
Из океана ступни
В раковины ступают...

Мира ушная раковина
Чуть выступает в текстах...
То ли космичность камерна,
То ли – Вселенной детство!

2007. 03. 31

*«Закрой глаза и не оспаривай
Руки в руке. Упал засов.
Нет, то не туча и не зарево!
То конь мой, ждущий седоков».*
М. Цветаева

Ты в страсти обычно вожатый!
Партнёры обычно слабее...
Смелее же достаивай!
Смелей утоли, смелее!

Ты страсть возвела до уровня,
Когда нет пространств и времени!
Ах, всё-то ты напридумала!
Ах, всё-то ты напригрезила!

А, впрочем, какая разница,
И что нам ещё привидится?
Обречена на камерность,
Она у тебя космичная!

Она у тебя безмерная,
Она обоймёт все крайности!
Ах, как ты, Марина, женственна,
Обречена на камерность!

2007. 03. 21

Тело твоё – как текст!
Рукописи остригли!
Как оскорблён поэт!
Это ведь мы его!

Где он исконно жив –
Или в своих тетрадках,
Иль – когда во плоти –
Непонятно!

2007. 03. 27

*«Пришла и знала одно: вокзал.
Раскладываться не стоит».*
М. Цветаева

В тебе сплелись и Эрос, и Танатос!
Как обречённость – твои дали!
Как неизбывная всеядность
Твоих все клики вакханалий!

Ты впрямь впитала все начала
И все концы в себя вобрала!
Ты убегала прочь от фальши
В пару задохшихся вокзалов!

В дыму вагонов проходящих
Вокзалов чуждых, иноземных,
А по пути – всё шпалы, шпалы...
Танатос, Эрос – параллельны!

2007. 04. 02

В тебе – борьба противоречий!
Ну, расскажи, иль не по Гегелю
Повествованье о гордыне,
Хоть внешне – ангела невинной
И, может, даже бестелесней!

Ты знать не знаешь «Песни Песней»,
А лишь стихи «Экклезиаста»,
В тебе – противоречий магма,
Их произвола, их бесчинства,
Их неразрывного единства!

Ты, как анатом, поэтапно
Вскрываешь страсти ипостаси,
Нам демонстрируя наглядно
Её безумные провалы,
Её неслыханные сласти!

Сплетая страсти воедино,
Наперебой балуя с ними,
Ты так смела, моя Марина!

В тебе сливаясь, очевидны
Борьбы противоречий игры!

2007. 04. 03

Ты, Марина, сама интересна!
Оттого в твоём окружении
Сплошь и рядом – куда как лестно! –
Одни гении!

И Борис с глазами нездешними
Восхищался тобой открыто,
И другой поэт иноземный –
Райнер Рильке!

Так какой же душа должна быть,
Чтоб пленять, напрягая нервы,
Не пройдох и не супостатов –
Просто гениев!

Чтоб любили тебя не плотски,
Восхищаясь стихом по праву,
Не какие-то мужичёнки –
Великаны!

Ты не зря со стеной Китайскою
И Лилит себя уравнила!
Иномыслием, как инакостью,
Упоила!

Оттого твоя доля женская
Высочайшей ценой оплачена!
Каково это – быть поэтом,
Только – в платье!

2007. 04. 04

От такой, как твоя, стихии –
Революции по России!

От такой, как твоя, разбойщины –
Что ни баба, то – заговорщица!

От такой, как твоя, есенинщины
По Россиюшке – помутнение!

Все бабёнки пошли в поэты,
Про мужей позабыв при этом!

Все поэты пошли в трактиры,
Чтобы петь словоблудью гимны!

А иные закрылись в башне –
Проморгали Русь, не иначе!

Та Россия осталась в виршах –
То ли эллинских, то ли скифских.

2007. 04. 05

Что за мощь императива!
Аppeляций что за тьма!
Что-то общее с делиром,
Разговорная молва!

Множество односоставных,
Рвётся пополам строка,
Будто нет уже дыхания
Всё поведать до конца!

Будто сжало горло спазмом,
Можно только прокричать:
«Тяжела ты, доля бабья»,
Но – бессвязно, по слогам!

Но – той сбивчивостью речи,
Как в последний смертный час,
Либо – в первый час Творенья,
Мир скрепляя в позвонках!

Оттого твоя невнятность,
Строфы рвутся – не унять!
Больше нечем заниматься –
Лишь Вселенную создать!

2007. 04. 05

Ты – до всех мифологий!
Ты – до религий даже!
Небо твоё бездонное –
Вот и вся перевозданность!

Мимо ходила времени,
Метить в Бессмертие – шутка ли!
Не от времён, от вечности
Все твои прибаутки!

Все твои афоризмы,
Все твои манифесты!
Ах, Марина, Маринушка!
Будто вечности детство!

2007. 04. 05

Мир застыл в экстазе сотворенья,
Нам соборность всех, кто жив, явив!
Это – Пастернака тексты,
Воплощенье всеединств!

Пусть овраги пишут песни,
А сонеты – берега!
Не поэт оставил тексты –
Чудотворчества река!

И какая-то стихия
На вселенских рубежах
Под названием «Марина»
Удосужилась вкушать

Это новшество безличных,
Безглагольных отродясь!
Как Марина пишет письма,
Вёрст отмеривая вязь?

Не земных только, небесных!
Чту Галактики размах!
Кто Марине пишет письма,
Подписавшись – «Пастернак»?

2007. 04. 10

*«Какое счастье – я знаю русский
алфавит».*

С. Довлатов

У России один союзник –
Мой великий могучий язык,
Мой язык называется русским,
За ценою не постоим!

Эти сладкие томные звуки,
Величаяя гордая статья,
Мой великий могучий союзник,
Ты – божественной воли явь!

Эта нега твоих средоточий,
Предвкушения благодать!
Мой неровный корявый почерк
Приникает к тебе опять!

Мы наития не отменим,
И нахлынет внезапно ритм:
«Мы рождены для вдохновений,
Для звуков сладких и молитв»!

И пока этих слов сиянье
Настигает, за душу взяв,
Мы не сгинем в пучине коварной,
Мы в союзе сильней в стократ!

Эта память творений дивных!
Этот звучный синтагм набат!
Дар Отчизны намечен свыше,
И великая честь – постигать!

2006. 11. 15

Мы – щепы рухнувшего мира!
Мы – измельчённые в труху!
Мы – щепы рухнувшего мира,
И – на ветру!

Когда-то, помню, возомнили,
Что, будто, мыслящий тростник!
Страна нас просто уронила
На переправах вековых!

На переправах-переплавах
Плером, зонов, калиюг!
Как ощутима боль утраты
Под смех великосветских вьюг!

Ах, для того ли разночинцы
Шли вслед за Осипом гурьбой,
Чтоб мы о совести забыли,
Души восславив произвол?

Ах, для того ль когда-то Анна
Не покидала Петербург,
Чтоб мы до щепы измельчали,
Чтоб ничего не понимали
О том, кем срублен каждый сук?

Иль для того Марины вопли
Сливались с млечностью начал,
Чтобы по доньям смутный кто-то
Россию девкою таскал?

Иль это слёзы Николая
Нам отливаются сполна?
Тогда в Ипатьевском подвале
Он к сердцу сына прижимал...

Россия, где твоя духовность?
Опять изрублен самый цвет!
И только храмовой иконы
Над расщеплённою строною
Несокрушим Господень свет.

2007. 04. 10

*«Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.*

*Спорили сотни
Колоколов.
День был субботный.
Иоанн Богослов».*
М. Цветаева

Иоан Богослов, Иоан!
Родилась, родилась она!
Слово божие – это сласть,
Это – благовест и печать!

Иоан Богослов, Иоан!
Кто Марину запеленал
Сразу в спорище колоколов?
Иоан, Иоан Богослов!

А туманы России вдали
Им завторили, возлюбив
За ту муку, за участь, за страсть,
За рябины горчайшую сласть!

Да за поступь, что только её!
Иоан, Иоан Богослов!

Предначертанность, лепота,
Сама осень её родила,
То не листьев, то звона подол –
Иоан, Иоан Богослов!

Слово божие на Руси
Кто по-женски так повторит,
С той же раною на устах –
Иоан Богослов, Иоан!

2004. 04. 26

«Вечный третий в любви».

М. Цветаева

Глаз таких не увидеть
И стихов не прочесть!
Это имя – Марина –
Как нездешнего весть!

Неземное поведал
Нам великий поэт:
От проклятий и бредов
Нам спасения нет!

По великой России
Не считали крестов
Всех поэтов, погибших
Просто так, ни за что!

Здесь креста-то не сыщешь!
Может, всё же жива?
Может, всё-таки дышит
В незабвенных стихах?

В этих неповторимых,
В этих рвущихся вдаль...
Это имя – Марина! –
Это – мор и печаль!

Говорила, что – море!
Чтоб без третьего, ты
Уходила в восходы
И в закаты тишизн!

Префикс «за» – отрывала!
Уходила туда,
Где чудесны закаты,
Где ясны чудеса!

2006. 01. 24

Сколько жестов у Марины, сколько рук!
Предикатов, умолчаний – цепок ум!

Сколько силы у Марины и страстей!
Это – новая, с избытком жеста речь!

Эти эллипсисы вдохов, взмахов губ!
Сколько гнева у Марины, сколько мук!

«Такова у нас, Маринок» - множит стан!
Сколько пропастей глубинных под тире
моста!

Сколько придыхов у рваных слов, что –
пополам!
Сколько кликов безымянных, оживших в
руках!

У кудесницы Марины, что рождала –
речь!

Чтоб – без страха и без кривды той,
какая есть!

Чтоб по-женски и открыто – так, как в
первый раз! –

Произнести неповторимые, первые
слова!

Чем-то схожие с делиром – скажут нам
потом!

Я над текстами Марины забываю сон!

Лбом втемяшусь в боль за строчкой!

О, Марина, бездны дочка!

Дочка ветра по России, дочка стона,
дочка сини!

О, сиротушка в России и в Медоне, и в
Берлине!

2004. 05. 02

Из Парижа – с любовью. Год 1936

Возьми меня к себе, Россия!

Я жить в разлуке не могу!

Меня укутай в свои сини

На том, не этом берегу!

Своим невероятным светом,

Как благодатью, удостой!

Россия, Родина навеки!

Моя победа над судьбой!

Ты – как божественного память!

Ты – как духовности оплот!

Навек святыня православных,

Мой бедный, мой простой народ!

Возьми меня к себе, Россия!

Не хочешь если, не голубь!

Только позволь к себе поближе,

Любви непознанная суть!

Я правды жду, не фарисейства!

Я так устала от кривизн!

Я вся твоя, твоя, как прежде,

Как каждый твой, Россия, сын!

Тебя, как только ни старайся,

Нельзя покинуть и забыть!

Прими меня в свои объятия!

Своим свеченьем причасти!

Возьми меня к себе, Россия!

Я жить в разлуке не могу!

Меня укутай в своей сини

На том, не этом берегу!

2006. 03. 03

«От очевидцев скрою

В тучу. С золой съем».

М. Цветаева

1.

Марина, Марина,

Не спрячешь любимых

Ни в жаркий песок –

Сахарю жжёт! –

Ни даже в расщелину –

Сердечную рану –

Ни в тучу осеннюю –

Марина, не надо!

Ни в кладези раковин,

Ни в тягу пещер...

Её не залатаешь,

Сердечную щель!

Каким бы раствором
Ни жгла – не прижечь!
Марина – условность
Реальность и смерть –

Сама – говорила –
Лишь в песнях поныне,
Марина, Марина,
Имён круговерть!

От щедрости этой,
От жажды любить
Твои менуэты,
Каскады твои!

Ты впрямь обессмертишь
Любимых навек!
Марина, поверь мне,
Их родина – песнь!

В себя вобрала́ их
В святом забытьи!
Никак не отвадить!
Навеки твои!

2.

В тебе есть что-то от Кибелы!
И впрямь – воинственность твоя,
Твоя отрывистость напевов
Так первобытна, так свежа!

И нечто – от каннибализма!
С золою жаждешь ты вкусить
Того, кто был дороже жизни,
Поди-ка в страсти разберись!

Та первозданность состояний,
Которых ты не предала,
Созвучна и царице Анне,
Афине русского стиха!

Но только ты – куда смелее!
Куда отчаянней полёт!
В тебе есть что-то от Кибелы!
Иштар, отнюдь не от Семелы,

В тебе есть что-то от щедрот
Небесных! Преизбыток
Даров сих не смогли снести!
В тебе есть что-то от России
В её загадочном пути.

2006. 03. 24

«По линиям, по линиям».
М. Цветаева

Не надо возвращаться!
Зачем же ты пошла
По лучезарным шпалам –
Назад, назад, назад?!

Не надо возвращаться,
Оглядываться вспять
И Эвридикой таять,
И в столб солёный встать!

Солёный из-за женских
Невыплаканных слёз,
Застлавших тонкий венчик
Из одури, из грёз,

Из неутешных бдений
Над городом родным,
Над наглостью ступеней,
Спускающих в Аид!

Казалось поначалу,
Казалось – лишь разок!
Осталась только взглядом
На то, что враз ушло!

Зачем же возвращалась
И в жертву принесла
Себя – легко, отчаянно
Спалив свои крыла?

Огромные – такие,
Что впору им затмить
И игрища России,
И смутные пути,

Ведущие куда-то
Из грешных городов
И жаждущие взгляда?
Расплата – налицо!

Зачем ты возвращалась?
Чего, скажи, ждала?
Рябина задрожала
И горько отдавала
Мне вязкостью в губах!

Рябина у окраин...
Куда она звала?
Казалось – только к храму!
По шпалам, навсегда!

2004. 01. 04

Проводы Ариадны

А, может быть, лучше б – в Сибирь!
А, может, тогда ты жила бы!
И не было б чёрной Елабуги,
И не было б смертной тоски!

Неисповедимы пути!
Кто знает, кто знает, кто знает,
По роком каким можем жить,
Под роком каким погибаем!

Чиновник из НКВД
Строчил деловую записку,
Что ты – гениальный поэт,
Что ты и на Родине признана!

Но он не сказал ничего
О том, что рябины задохлись,
Что гром в христопляску пошёл
И что очумели все молнии,

Когда ты решила – назад!
Когда ты решила – в Россию!
А Бунин, когда провожал,
«Сгнут!» – Ариадне сказал.

«А впрочем, – добавил чуть слышно, –
Будь я хоть чуток посильней,
Будь я Ариадны моложе...»
Россия стонала, поверь,
Оброненным наскоро «впрочем...»!

А, может быть, лучше б – в Сибирь!
А, может, тогда не погибла б!
О, запах гнилых докладных,
О, проводы самых родных,
О, Родины гиблые сины!

2004. 06. 04

Сабине Шпильрейн

Ах, Сабина! Ах, Сабина!
Ты сестра моей Марины!
Что ж рвалась сюда, в Россию,
Что ж её ты не покинула,

Чтоб сложила свои кости
У ростовской синагоги,
Чтобы рядом – твои дочки,
Только сноской писем Фрейда,

Чтобы слава постучалась
Лишь тогда, когда б не стало
Ни твоих учеников,
Ни тебя, тебя самой?!

У ростовской синагоги
Обниму, возьму за голову!

Мне, Сабина, тянешь руки,
Будто пробуешь очнуться,
Досказать, что ты предвидела,
Что сказать смогла Марина,

Жизнь за слово заплатив!
Ах, Сабина! Горсть земли!

2001

*«Война застала Марину за переводами
Лорки».*

Из научной статьи

Ах, Гарсия! Ах, Гарсия!
Брат мой, брат мой, Федерико!
Ах, стихи моей Марины!
Стыли годы роковые,

Переводы, переходы,
Переправы, переплавы,
Цепь предательств, матадоры,
Застывали в горе горы,

Боль от края и до края!
Имя сладкое – «Гренада»!
Горе, горы, на рассвете
Смолкнет сердце у поэта!

Участь схожа их обоих!
И не пощадили боги
Просветлённого лица,
Что клонилось над тетрадью.

Там стихи моей Испании...
Там стихи того ребёнка –
Лорка, Лорка, Лорка, Лорка!
И подстрочники, как ноты,
И – война, война, война!

Горы, горе, захолустье,
Боли мертвенное буйство
Не в Испании – в России!
Ах, Марина! Ах, Гарсия!

2002. 02. 05

«Мой письменный верный стол».

М. Цветаева

Александр восславил чернильницу!
Оду письменному столу
Начертала не чернокнижница –
Ликом чистая дева Маринушка –
Избирателен певчий дух!

О, поэт, трудяги небесные!
Ваши выдохи – облака!
Свои взлёты опишите честно,
Как свои нисхождения в Ад!

Прогуляетесь не с Вергилием!
Прогуляетесь просто так,
Чтоб дышала ушедшая рифма
Всем объёмом людских диафрагм!

И поэты напишут такое нам,
Что читается не сейчас,
Что за гранями невозможного,
Строки тщательно выводя!

Соучастники акта творчества!
Вы останетесь на века!
Этот стол не уйдёт на топливо –
Он стоит у Марины в стихах!

2006. 03. 01

Чёрный парус, белый парус
Или – нежно голубой!
Или – смутно розоватый!
Или – алый, что твой рот!

Я у мыса Меганомы
Алый парус подожду!
Мне протянет Пенелопа
Звёзд охапку по утру!

Мне протянет Персефона
Диких пчёл душистый мёд!
А у мыса Меганомы
Осип в гости позовёт!

А его стопы прозрачны,
А его стопы легки!
Как он звонко рассмеялся,
И – Марины завитки!

Или снова – сани, шуба,
Кремль, как прежде, долговяз?
Так куда ж всё мчишь, голуба,
Под всё тот же вьюги пляс?

2003. 08. 28

«С ресницами – нет длинней».
М. Цветаева

Подаришь гениальные стихи
Поэту, а ещё – столицу!
Он домики твоей Москвы
Припомнит в камере сибирской.

Подаришь и любовь, шутя!
И чудотворство обновления!
Ты – и царица, и дитя,
Марина Мнишек, лжецаревна!

Сиянья трепетного миг
Лишь озаряет гениальность!
Так на полотнах оживит
Художник удлинённость Анны!

И этот царственный изгиб
Застывшей в изумленьи шеи
Напомнит лето и Париж,
И царскосельские аллеи!

О, Амадео, Николай!
О, прихоть женская желанья!
О, оснежённая Москва!
Поэт – и Лжемарины, сани!

Кто б знал на утренней заре,
Что предстоит двум вещим парам –
Но едет Осип по Москве,
Но едет Анна к Модильяни!

Кто объяснит, чем подтверждён
Какой-то образ, чем оплачен?
О, юности расцветшей зов!
А над строкой и рок невластен!

О, Лжемарина, веселись!
Сверкай, сверкай хотя б мгновенье.
Не знаешь ты, что предстоит!
Ты вся – Москва! Ты вся – веселье!

Пусть Анна тянется в окно,
Всё смотрит, гостя поджидая,
Пусть – не предполагая, что
Казнят в России Николая!

Пусть всех незнаний забытьё
Останется меж строк навеки!
Его художника мазок
В картине выразил настенной!

Неразбериха дум и тел!
О, неразборчивость объятий!
Но только – Анна на холсте!
Но только – Лжемарина, сани!

Вернись, о, миг! Ещё, ещё!
Продли чуток героев радость,
Как этот колокольный звон,
Подаренный в Москве на память!

Продли иллюзию мечты!
О, отведи с верёвкой руку!
Дари Москву ему, дари!
Пусть торжествуют закоулки!

И пусть сияющий Париж
Не устаёт баюкать Анну...
О, эта длиннота ресниц...
О, эта юность Модильяни!

2004. 09. 26

Из Парижа – с любовью. 1939 год

Быть русским поэтом в изгнании –
Совсем неплохое служенье!
Быть после Отчизны распада,
Быть после коллапса Вселенной,

Быть русским поэтом в опале,
Быть к русской культуре причастным –
Совсем неплохое задание,
С горчинкой бездомное счастье!

Огонь не сокроет кириллиц!
Сияйте же, *аз, буки, веди!*
Сияй же, священной Отчизны
Духовной культуры наследие!

Быть русским поэтом в изгнании
Достойное дело, поверьте!
Быть русским поэтом в опале,
Быть русским до таинства смерти!

Опала, изгнание, забвение –
Как это, однако, знакомо!
Всё – в жертву сиянию, свечению
Великого русского слова!

Быть русским поэтом в изгнании...
Иль Парка судьбу начертала?
К чему мне её лепетанье?
Мне кто-то сказал – оно бабье!

Быть русским поэтом в изгнании,
Быть русским поэтом в опале,
Быть русским на всех полустанках,
У кромок чужих океанов!

О, знайте – я дома, я дома,
Лишь Пушкина кожаный томик
Сжимаю в простуженных пальцах...
Быть русским поэтом, славянским...

Легка, тяжела ли судьбины –
Не мне переделать, наверно!
Быть отзвуком бедной Отчизны,
Быть русским – и только – поэтом!

Мой долг – передать эстафету,
Что б в руки – таинственный огонь!
Быть русским до боли поэтом!
Быть русским поэтом позвольте!

2006. 02. 24

*«Успенье нежное – Флоренция в
Москве».*

О. Мандельштам

Корабелы минойцы,
Вы ко мне приплывите,
Корабли свои стройте,
Но не из древесины!

Корабли свои стройте
Из иллюзий крушений,
Когда древние боги
Не спасли, не сумели!

Кораблей своих мачты –
Из журавля изгиба
На обветренной амфоре –
Не осмелилась сгнуть!

Вас в Египте папирус
Назовёт «народ моря».
Это, может, обидно
Для культуры Миноя.

Остров Крит неслучайно
Звал российских евреев
Воспевать гениально
Мастерство корабелов!

Чтоб какая-то дева –
Флорентийка немножко –
На минуту зарделась
И воскликнула: «Осип!»

Город Палаикастро
Накрывало цунами –
Атлантида прекрасна,
Все мы *атлантидяне*!

Мы – из мифов, сказаний,
Мы в иллюзии верим!
Паруса натягайте!
Я вас жду, корабелы!

2007. 07. 19

II часть

Эляна Суодене

**Анафора в лирике
М. И. Цветаевой**

(стилистический аспект)

В последнее время как в литературоведческих, так и в лингвостилистических исследованиях настоятельно подчеркивалась необходимость изучения как всего творчества М. И. Цветаевой, так и отдельных его сторон. Обращалось внимание на перспективность исследования ритмики, звуковой инструментовки стиха, экспрессии морфем, эволюции поэтического языка, влияния творчества поэта на последующие поэтические поколения, взаимовлияния творчества М. И. Цветаевой и великих поэтов-современников, со-и противопоставления речевых субъектов — модификаций лирических героинь и собственно поэтического «я» — в двух вершинных явлениях русской женской поэзии — М. И. Цветаевой и А. А. Ахматовой, сопоставления творчества дочери — и дневниковых записей и писем отца поэта, своими синтаксическими особенностями предвосхитившими «дикий синтаксис» Марины Цветаевой — там там же интенсивность выражения чувств, мыслей, необычная структурная компоновка и потребность в адресате.

Неисследованность поэтического синтаксиса (в стране издана лишь одна монография, посвященная данной проблеме), недостаточность исследования творчества М. И. Цветаевой как одного из крупнейших поэтов XX века, неисследованность, кроме ряда работ, лишь частично затрагивающих эту проблему, поэтического синтаксиса М. И. Цветаевой и определяет актуальность исследования.

Цель исследования — посредством лингвистических и комплексных филологических методов и приемов выявить и охарактеризовать языковую природу и действенность индивидуального стиля одной из значительнейших и самобытнейших представительниц русской культуры — Марины Цветаевой — в аспекте реализации некоторых явлений экспрессивного синтаксиса.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи:

1. Обосновать теоретические предпосылки коммуникативно-конструктивных аспектов индивидуальной системы стиля.
2. Раскрыть общественные и личные предпосылки действенности художественной мысли и стиля исследуемого поэта.
3. Выявить конструктивные принципы и способы использования элементов стиля на одном из самых релевантных для исследования уровней языка — на уровне синтаксиса и стилистики.
4. Охарактеризовать синтактико-стилистические процессы, настроенные на коммуникативную эффективность поэтической речи.
5. Проследить линию активности авторского стиля в его развитии.

В соответствии с поставленными задачами на защиту выносятся следующие положения:

1. Анафорическая конструкция как элемент экспрессивного синтаксиса недействительна вне коммуникативной направленности, являясь отражением специфики как речевого субъекта, так и коммуникативной стратегии.
2. Анафорическая конструкция как элемент индивидуального стиля конкретного художника слова — М. И. Цветаевой — не является статичной в течение творческого пути, видоизменяясь в процессе развития художественного метода, однако и сам факт видоизменения, и способ его выражения — явление глубоко индивидуальное.
3. Анафорическая конструкция — элемент индивидуального стиля М. И. Цветаевой как крупнейшего художника слова начала XX века — выходит за рамки индивидуальной поэтической системы, и, вследствие мощной поэтической индивидуальности М. И. Цветаевой, участвует в создании нового поэтического языка, ломке правил (поэтической трансгессии) традиционного, создании эстетики экспрессионизма.

4. Проявлением поэтической трансгессии является создание М. И. Цветаевой своеобразной деструктивной анафоры — явления асистемного, свойственного как ее индивидуальной поэтической системе, так и поэтике аванганда — экспрессионизма, в частности, и, вследствие этого — близкого дальнейшему развитию поэзии XX века: энтропическое разрушение традиционной системы ведет к созданию новой

системности, отвечающей эстетике мироощущения кризиса, раскола целостности в искусстве XX века.

5. Лирику М. И. Цветаевой следует рассматривать в общем контексте развития искусства XX века как проявление эстетики экспрессионизма, причем именно сочетание глубоко национальных корней и относительно новой для русской поэзии эстетики и создает ни с чем не сравнимый феномен поэзии Марины Цветаевой.

Научная новизна заключается в анализе лингвистической природы действенности индивидуального стиля художника слова в аспекте реализации задач коммуникативной стратегии — максимального суггестивного воздействия, связанного, в частности, с поэтикой авангарда (экспрессионизм) с точки зрения развития художественного метода. Лингвистический анализ индивидуальной системы стиля автора в данном аспекте проводится впервые.

Методы. Идентификация и рассмотрение систем, средств, и элементов авторского стиля, нацеленных на его действенность, осуществляется рядом методов. Основу анализа составляет синтактико-стилистический метод (описательный). Закономерности композиционной организации мысли автора раскрываются посредством синтактико-архитектонического членения текстов, а также при помощи метода количественных (обычно сплошных) подсчетов. При анализе многогранных явлений стиля используется комплексная филологическая методика.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в разработке теории стиля, особенно индивидуального, лингвистической поэтики, в курсах лингвостилистики, на семинарах по анализу художественных текстов и других областях филологии.

Апробация работы. Основные положения исследования докладывались на расширенном заседании Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета (Каунас, 1989), на научной конференции преподавателей и аспирантов университета, посвященной 20-летию филологического факультета (Вильнюс, 1988).

По материалам диссертации создано методическое пособие «Анализ поэтического синтаксиса (на материале лирики М. И. Цветаевой)», адресованное студентам-русистам для спецсеминарских занятий (Вильнюс, 1990); опубликованы две статьи.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, предмета исследования, определяется актуальность, научная новизна работы, возможности теоретического и практического применения результатов, рассматриваются общие предпосылки и проблемы исследования индивидуального стиля, предпосылки эвристической продуктивности категории стиля, характеризуются признаки индивидуального стиля, элементы стиля, конструктивность стиля, факторы стиля, критически рассматривается литература по анализу творчества М. И. Цветаевой.

В первой главе «Теоретические предпосылки исследования» определяются исходные понятия и положения.

В первом параграфе определяется понятие поэтической трансгрессии, обосновывается отнесение поэтики М. И. Цветаевой к эстетике экспрессионизма. Стилистика экспрессионизма, утвердившая рядом с эмоциональным криком нервную пульсацию образа, ритмику, насыщенную паузами, чрезвычайно выразительна. Традиция авангарда и экспрессионизма, в частности, внесла в поэтический язык разлом строки, динамику интенсивного ритма, графическую декомпозицию строки, что меняет сам тон, интонацию строки — вместо логического расположения элементов повествования — внезапные ударения, максимальное использование средств ритмической речи. Каждая строка — это резкий взлет динамики, взрыв энергии, каждое движение поэт интенсифицирует до крайней степени напряжения и именно эта обнаженная экспрессия — суть резких и взрывающихся строчек. Интенсивность становится основным критерием

поэтичности, линейная же последовательность вытесняется поэтикой интенсивного сжатия, излома, а детализированный рисунок — геометризированными фигурами. Фрагментарное мышление, спонтанное проявление чувств, игра интонаций и звуков рушит единство фабульной закономерности, что рвет строку, видоизменяет синтаксис. Эмоциональная сила чувства рвет строку, изламывает каноны соответствия предложения строке и в поэтическом синтаксисе М. И. Цветаевой, сама ее лирика в большей степени подчинена специфике ее индивидуального видения, чем лирической фабуле.

В лирике М. И. Цветаевой поэтика экспрессионизма воедино слита с ее величием как истинно национального поэта и обуславливается истинной силой, «безмерностью» ее реальных переживаний, поистине «этой безмерностью в мире мер». В русле эстетики экспрессионизма обретает выражение поэтический синтаксис как один из элементов индивидуального стиля исследуемого поэта.

Трансгрессия поэтических форм свойственна и индивидуальному стилю М. И. Цветаевой, и поэтике авангардизма в целом, которая, в свою очередь, в ее поэзии нерасторжимо связана как с национальной традицией, так и с реалистичностью истоков почти каждого стиха, его исключительной жизненной обусловленностью.

Во втором параграфе критически рассматривается постановка проблемы взаимоотношения ритма и синтаксиса в отечественном стиховедении, а также в работах, посвященных непосредственно творчеству М. И. Цветаевой.

В третьем параграфе критически рассматривается нетерминологическое употребление синтаксических категорий и единиц в стиховедческих и литературоведческих работах.

В четвертом параграфе анализируется проблема соотношения поэтической и стиховой речи в связи с определенной несбалансированностью терминологии.

В настоящей работе поэтический синтаксис рассматривается именно как стиховой. Особым образом организованная стиховая речь обусловлена специфическими жанровыми особенностями лирики, а также особенностями лирики как рода литературы с присущим ему особым характером коммуникации, в корне отличающимся от прозы, поэтому и поэтический синтаксис стиха в корне отличается от синтаксиса прозы. Отличие синтаксиса стиха от синтаксиса прозы столь велико, что нецелесообразным представляется определение и того, и другого явления именно как «поэтический синтаксис».

В пятом параграфе анализируется анафорическая конструкция как элемент экспрессивного синтаксиса в поэтическом тексте. Дается краткий анализ работ, рассматривающих проблемы определения экспрессивного синтаксиса, средств экспрессивного синтаксиса, сопоставления экспрессивности разговорной и письменной речи, соотношения двух тенденций развития современного русского языка — тенденции к экспрессивности и тенденции к экономии речевых средств. Специфика поэтического (стихового) текста предполагает особую систему средств языковой выразительности и в значительной степени обусловлена своеобразием этой системы, отличной от нормативного синтаксиса. Анафора в поэтическом тексте — не просто «лексические повторы с синтаксическими наполнителями», не только элемент поэтического синтаксиса, подчиненный целому, но и конструктивный элемент, та часть ритмико-синтаксического единства, которая, вследствие специфики стихового текста, самого по себе строящегося на повторности, способна влиять на само построение, организацию стиха. Та или иная форма и степень выражения системности в поэтическом тексте — не только следствие, но и причина именно такого, а не иного построения стиха.

Вторая глава исследования «Особенности анафорической конструкции в поэтическом синтаксисе Марины Цветаевой» посвящена типологии конструкции.

В первом параграфе анализируются анафорические конструкции, основанные на синтаксическом параллелизме, в поэтическом синтаксисе М. И. Цветаевой.

Анафорическая конструкция в поэтическом синтаксисе М. И. Цветаевой представлена в нескольких разновидностях.

Синтаксическим анафорическим конструкциям, построенным на синтаксическом параллелизме, свойственно потребление как в «чистом», так и «частичном» выражении. Функционирование в «чистом» виде, когда анафора представлена повтором конструкции предыдущей строки, встречается как на каком-либо отрезке стиха, так и на протяжении всей поэтической конструкции. Стихотворения, где анафорическая конструкция, построенная на синтаксическом параллелизме, выражена на лирическом пространстве всего стиха, в лирике Цветаевой встречаются сравнительно редко. Цветаевская анафорическая конструкция данного типа может как соответствовать традиционной поэтической норме, так и разрушать ее, исходя из законов индивидуальной поэтики. Наиболее ярко это выражается в пунктуационном оформлении, что чаще всего представлено в обилии тире, обозначающих словораздел, не соответствующих нормативному синтаксису, а также разным пунктуационным оформлением одинаковых синтаксических анафор.

Во втором параграфе анализируются анафорические конструкции, построенные на частичном использовании элементов синтаксического параллелизма. Анафорирование с частичным использованием синтаксического параллелизма является в поэтике М. И. Цветаевой композиционным каркасом построения многих стихов. Под частичным использованием синтаксического параллелизма понимается несистемное линейное выражение конструкции синтаксического параллелизма (на уровне строк). Анафора, построенная на частичном использовании элементов синтаксического параллелизма, парадоксальность, окказиональность художественной формы чаще всего проявляется в окказиональности ритмико-синтаксической конструкции, включающей, несомненно, множество компонентов, окказиональности поэтического синтаксиса как такового, своеобразия звукового оформления рассматриваемых конструкций.

В третьем параграфе представлена классификация анафор по лексико-семантическому признаку.

Различные лексико-семантические разряды анафор в лирике Цветаевой не являются равнозначным как в численном и композиционном отношениях, так и в художественном, и свойственны разным периодам творчества. Наиболее значительную часть представляют анафоры, выраженные различными союзами, предлогами, частицами, союзными словами, а также местоимениями и существительными. Наиболее раннему периоду творчества свойственна анафора, выраженная личными местоимениями, а также союзом «и». Остальные лексико-семантические разряды анафор (кроме числительных, однако) можно считать более осложненными в художественном отношении, более близкими к индивидуальной цветаевской поэтике и тяготеющими к более поздним периодам творчества. Анафоры, выраженные союзами, частицами, предлогами и союзными словами, а также местоимениями и существительными, могут быть как единичными (основными или второстепенными), так и выступать в контексте других анафор, либо в качестве лейтмотива, либо являясь второстепенными. У анафор же, выраженных глаголами, наречиями, прилагательными и причастиями, числительными менее широкий «спектр действия» на лирическом пространстве стиха: чаще всего они выступают в соседстве с другими анафорами, являясь вспомогательными, не равнозначными с ними в композиционной организации стихотворения.

В четвертом параграфе предлагается классификация анафор по типу рифмовки. Анафора является неотъемлемой частью ритмико-синтаксического движения стиха. Наиболее выразительна в лирике М. И. Цветаевой анафора, построенная на перекрестной рифмовке при совпадении части первой и третьей анафорируемых и рифмующихся строк. Анафоры названного типа могут быть как системны, так и несистемны на лирическом пространстве стиха. Анафоры же, построенные на основе перекрестной рифмовки, представленные во второй и четвертой строках и совпадающие с рифмой, носят в стихе, как правило, эпизодический, несистемный

характер, являясь лишь элементом в построении ритмико-синтаксического единства. Анафоры, представленные в строках со смежной рифмовкой, не совпадающие с рифмующимися строками, немногочисленны и также являются, как правило, второстепенными в построении стиха. Анафоры, построенные на смежной рифмовке, когда рифма и анафора представлены в одной строке, сравнительно немногочисленны, однако значимым является то, что анафоры названного способа рифмовки чаще всего являются системными в течение всего стиха.

В пятом параграфе анализируется роль анафорической конструкции, не основанной на синтаксическом параллелизме, в структуре стиха или цикла стихотворений. Анафорическая конструкция, не построенная на синтаксическом параллелизме или частичном его использовании, в системном компоновании стиха выступает в трех основных способах выражения: системным анафорированием зачина первой строки каждой строфы на уровне всего стиха (подобный тип часто характеризуется асимметричной концовкой), системным выражением анафоры третьей строки каждой строфы на уровне всего стиха, а также системным выражением анафоры, представленной в последней строке каждой строфы на уровне стиха. Произведений, где анафора подобного типа (не основанная на синтаксическом параллелизме или частичном его использовании) представлена системно, в лирике М. И. Цветаевой сравнительно немного. Значительно больше различных вариаций классических системных анафорических конструкций, составляющих, видимо, у М. И. Цветаевой особую — несимметричную — системность, сугубо индивидуальную. Для М. И. Цветаевой характерны анафорические конструкции, системно выраженные в течение всего стиха, но концовка — будь то последние две строки, будь то последние две строфы, несимметрична, из системы выпадает, что, возможно, является своеобразным поэтическим приемом компоновки стиха в индивидуальной системе поэта.

Выделяется группа анафор, построенных симметрично в определенной части стиха — в середине, в начале либо в конце. Следует выделить и стихотворения, в которых заявка на симметричную анафоричность наблюдается отчетливо, однако не является эстетически и композиционно завершенной.

В отличие от системного проведения анафоры как на уровне всего стиха, так отдельной части, а также случаев окказиональной системности, встречаются стихотворения, анафорический повтор которых несистемен.

Выделяются стихотворения, анафорический несистемный повтор которых заключается в середине стиха, в начале стиха, конце стиха, а также — стихотворения с несистемной анафорой, выявление которой возможно на материале всего цикла.

Таким образом, кроме системной анафорической конструкции, выражаемой повтором, не основанном на синтаксическом параллелизме или частичном его использовании, выделяются и другие способы выражения анафоры названного типа. Прежде всего, это анафора, системная лишь в какой-либо части стиха (начале, середине или конце), окказионально системная анафора, а также несистемная анафора, наблюдаемая не в течение всего стиха, а лишь в какой-либо его части. Такие анафоры могут быть как единичны в стихе (несистемная анафора, представленная в середине стиха), так и в соседстве с другими анафорами (несистемная анафора, представленная в середине, начале и конце стиха).

Кроме вышеназванных принципов компоновки стиха, включающего анафору, не основанную на синтаксическом параллелизме (системная анафора, системная лишь в какой-либо части стиха, окказионально системная анафора, несистемная анафора, представленная лишь в какой-либо части стиха) выделяется несистемная анафора, на основе которой, то пропадающей, то возникающей вновь, либо соседствующей с другими анафорами, либо единичной, komponуется трагическое действо цветаевского стиха. Компонование и отдельных стихов, и целых циклов как на несистемной смене различных анафорических конструкций, так и на несистемном проведении одной анафоры на протяжении всего стиха или цикла, является неотъемлемой частью зрелого творческого метода М. И. Цветаевой (в основном — после 1923 года), в

стихотворениях же раннего периода и — шире — доэмиграционного таких стихотворений немного, а если и наблюдаются, то в художественном отношении, как правило, невыразительны.

Третья глава «Модификации анафорической конструкции в общем контексте эволюции художественного метода (ди-ахронный аспект)» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе рассматриваются особенности анафорической конструкции в ранней лирике М. И. Цветаевой 1908—1915 гг.

В раннем, до 1916 года, творчестве Цветаевой встречается в зародышевом состоянии многое из того, что отличало впоследствии цветаевскую анафору, являясь неотъемлемой чертой ее индивидуальной поэтики, а именно — использование элементов окказионального синтаксиса; использование элементов синтаксического параллелизма в анафорических конструкциях; возникновение анафор как бы случайных, спонтанных, в процессе стенографирования поэтической мысли; дискретность анафор как на уровне строк (по горизонтали), так на уровне строф (по вертикали), что было столь свойственно поздней М. Цветаевой. Все названные признаки находились еще в зародышевой состоянии, не являясь еще отличительной чертой цветаевской анафоры, особенностью ее поэтики. В лирике Цветаевой до 1916 года преобладает лексическая анафора (при наличии и лексико-синтагматической, и синтагматической). Хотя анафоры иногда и не единичны в стихе, они носят, как правило, параллельный друг другу характер, и сравнительно редко одна окольцовывает другую. Анафора является более близкой традиционной поэтике, чем окказиональной цветаевской более поздней, являясь опорным пунктом при повествовании, служащим пока более как средство перечисления признаков, оттенков признаков, а не ограниченной конструктивной составляющей выражения поэтической мысли поздней Цветаевой.

Во втором параграфе анализируются особенности анафорической конструкции в лирике М. И. Цветаевой 1916 года. В 1916 году увеличивается количество стихотворений, где экспрессия анафоры представлена в совокупности с использованием элементов окказионального синтаксиса. Увеличивается количество анафор, использующих элементы синтаксического параллелизма. Иногда подобные анафоры включают и окказиональный синтаксис. Появляется тенденция к ориентации на звуковую близость в начале строк как в стихотворениях, содержащих анафоры, так и не содержащих последних. Появляется тенденция к ритмическому несимметрическому воплощению стиха, как входящая непосредственно в анафору, так и сопутствующая ей как дополнительное средство выразительности в архитектонике стиха. Усиливается тенденция к дискретности строки.

В лирике Цветаевой 1916 года можно уже более отчетливо выделить черты, характерные для поэтики поздней Цветаевой. Это, прежде всего, анафорические конструкции с окказиональным синтаксисом, а также с использованием синтаксического параллелизма, иногда в совокупности с окказиональным синтаксисом. Проявляется склонность к фонетической близости начала строк стихотворений, как имеющих анафоры, так и не имеющих. Это явление вызывает к жизни и другую, чисто цветаевскую отличительную черту — анафора иногда возникает как бы случайно, спонтанно, подготовленная созвучиями начал предыдущих строк. Появляется склонность к ритмической несимметричности стихов, в том числе и включающих анафоры, что существенным образом определяет и специфику их выражения — иногда из лексемы отдельной строки анафора становится отдельным словом-строкой.

В лирике Цветаевой появляется значительно большее количество стихотворений, не построенных на анафорировании. Выделяются следующие группы анафорического компонования стиха: анафора системна в течение всего стиха; анафора представлена лишь в какой-либо части стиха; системное или несистемное анафорирование стиха, когда какая-либо часть выпадает; стихотворения, построенные на нескольких анафорах (параллельных, окольцовывающих, взаимопереплетающихся). Наиболее часто употребляемой моделью построения стиха является композиция, когда стихотворение строится на нескольких анафорах. Продуктивна также модель, когда анафора

представлена лишь в какой-либо части стиха.

Более значимо, чем ранее, в лирике 1916 года представлена анафора, построенная как на полном, так и частичном использовании элементов синтаксического параллелизма. Наибольшую группу представляют стихотворения, построенные на использовании нескольких анафор, одна или несколько из которых построены по принципу синтаксического параллелизма (синтагматическая, лексическая — чаще всего). Наиболее многочисленной является лексическая анафора без использования элементов синтаксического параллелизма. Лексико-синтагматические, синтагматические анафоры, не использующие элементов синтаксического параллелизма, сравнительно немногочисленны, а также группа стихотворений, построенная по принципу использования нескольких анафор без элементов синтаксического параллелизма; единичны и стихи, где наблюдается повтор слова-строки.

В третьем параграфе рассматриваются особенности анафорической конструкции 1917—1920 гг.

В период 1917—1920 годов большое место в лирике Цветаевой занимают поиски в области традиционной системности. Системность подобных стихотворений построена как на одной анафоре, симметрично проводимой во всем стихе, так и нескольких анафорах, равномерно повторяющихся в определенных местах. Видимо, в поисках в области традиционной системности сказалось стремление Цветаевой к симметричности, художественно, своеобразно оформленной, определенной гармоничности. Ни в одном из последующих периодов не было стольких примеров завершенной песенности. Подобная тональность намечается и в поисках 1916 года, но в рассматриваемом периоде она более отточена в формальном отношении, и отдается предпочтение малым формам — в основном восьмистишиям.

В остальном анафора продолжает развитие тенденций, намеченных в предыдущем творчестве. Прежде всего — это использование окказионального синтаксиса как в самих анафорах, так и в стихотворениях, использующих анафору как «строительный элемент» композиции стиха, и являющееся составной частью выражения экспрессивной окрашенности стиха. Чаще всего окказиональность синтаксиса в лирике М. И. Цветаевой проявляется в тире, нерегламентированном традиционной грамматикой, с целью создания ритмической паузы, словораздела, выражающего чаще всего интонационное выделение — позже эта тенденция разовьется в выражение прерывистой задыхающейся речи поэтессы.

Развиваются и тенденции, намеченные в 1916 году: в стихотворениях, построенных на разных анафорах, одна или несколько из них совмещают и синтаксический параллелизм, и окказиональный синтаксис; ориентация на фонетическую близость в начале строк, сопутствующая анафоре, а также — иногда в стихотворениях, в которых анафор не наблюдается; случайное, как бы в процессе пения, возникновение анафор; смена ритма внутри стиха, сопутствующая анафорам; явления симплоки и разного способа рифмовки разных анафор в стихе; разная длина анафор; повторы строк — слов, в целом несвойственные М. Цветаевой, а также — повтор двустий. Встречаются также единичные случаи чрезвычайно характерного для поздней Цветаевой обрыва строк-слов.

В структурном отношении наблюдается большая свобода в выборе Цветаевой способов компоновки стиха — значительно большее по сравнению с предшествующими периодами место занимают стихотворения, не построенные по принципу включения анафор в поэтическую структуру стиха. Эта группа является самой обширной, как и группа, строящаяся на использовании нескольких анафор на лирическом пространстве стиха. Значительную, по сравнению с другими периодами, группу стихотворений представляют группы системного анафорирования и окказиональной системности. Сравнительно небольшие группы составляют стихотворения, повторы в которых как бы случайны, эстетически незначимы, стихотворения, построенные на несистемном повторе одной анафоры.

В рассматриваемый период можно выделить две основные тенденции построения анафорических конструкций — на основе синтаксического параллелизма и вне его. На основе синтаксического параллелизма анафоры представлены чаще всего, как и в 1916 году, на уровне всей строки, и могут выражаться на уровне синтагмы, лексемы, а также — лексико-синтагматической анафоры. Встречаются также анафорические конструкции, построенные на синтаксическом параллелизме, выраженные предложениями.

Значительную группу стихотворений исследуемого периода представляют произведения, анафоры которых не построены по принципу использования синтаксического параллелизма. Выделяются анафоры, построенные на синтагматическом, синтаксическом повторе, лексико-синтагматические анафоры, лексические анафоры. Наиболее многочисленную группу представляют стихотворения, построенные на разных анафорах, ни одна из которых не строится по принципу синтаксического параллелизма. Чаще других встречается лексическая анафора. Выделяется также группа стихотворений (она сравнительно незначительна), одна из анафор которых строится на основе синтаксического параллелизма или частичного его использования.

Использование конструкции синтаксического параллелизма в лирике М. Цветаевой еще представлено более на уровне всей строки, и только позже займет более приоритетное место частичное использование элементов синтаксического параллелизма как одно из действенных средств цветаевской поэтики.

В четвертом параграфе описываются особенности анафорической конструкции в лирике М. И. Цветаевой 1921—1922 гг.

В период 1921—1922 годов сравнительно небольшую группу представляют стихотворения, не построенные на анафорировании, в отличие от 1917—1920 годов. Однако, даже в стихотворениях, не построенных по принципу анафорирования, нередко средством выражения экспрессивной напряженности конструкции являются обрыв последней строки-строфы и дискретность окказионального синтаксиса, обилие односоставных предложений. Сравнительно невелика группа стихотворений, анафора которых системна в течение всего стиха, анафорическая конструкция которых представлена лишь в какой-либо части стиха. Немногочисленны и стихотворения, строящиеся на системном анафорировании, где какая-то часть композиции стиха из системного анафорирования выпадает. Сравнительно велика по сравнению с другими и интересна группа, где весь стих строится на несистемном повторе одной анафоры (этот принцип анафорирования наберет полную силу в лирике Цветаевой после 1923 года). Особую и наиболее многочисленную группу представляют стихотворения, построенные на повторе нескольких анафор, параллельных, взаимопереплетающихся и окольцовывающих.

Как и в предыдущих периодах, выделяются анафоры, построенные на основе синтаксического параллелизма, и анафоры, не построенные по названному принципу. Анафоры, построенные на основе синтаксического параллелизма, включают в себя несколько подгрупп. Прежде всего, это анафоры, основанные на использовании синтаксического параллелизма и выраженные синтагмой (их «удельный вес» увеличился по сравнению с предыдущим периодом), а также лексемой и предложением.

Наиболее значительна группа стихотворений, построенных на основе нескольких анафор, одна или несколько из которых строятся при использовании синтаксического параллелизма. Вторую большую группу составляют стихотворения, анафоры которых не построены на синтаксическом параллелизме. В этой группе выделяется синтагматическое, лексическое, лексико-синтагматическое построение анафор, представленное примерно в равных количествах.

В 1921—1922 годах наряду с развитием некоторых основных черт, свойственных поискам предыдущих периодов, появляются новые, проявившиеся и в дальнейшем творчестве. Нельзя сказать, что эти явления не имели места в предыдущих исканиях, единичные случаи встречались и ранее, однако именно в этот период—1921—1922 гг.

— некоторые специфические особенности поэтики анафорирования выделяются как тенденции. К подобным явлениям относится появление линейного и вертикального многообразия анафор (на уровне двух-трех- четырехстиший); появление циклов, где анафора переходит из стиха в стих на уровне всей композиции; появление обрыва последних строк-строф как дополнительное средство выражения экспрессии, нередко как сопутствующее анафорированию, так и в стихотворениях, не построенных на использовании анафор; возникновение анафорирования морфем, чаще всего — модификаций одной или нескольких корневых морфем; обилие обращений в стихотворениях, построенных на анафорических конструкциях и чаще всего являющихся составной частью этих конструкций. Новшеством можем считать тенденции к разному графическому оформлению одинаковых анафор и употреблению анафор разного типа рифмовок на лирическом пространстве одного стиха.

Кроме названных новшеств продолжают и тенденции, наметившиеся и в предыдущих периодах и являющиеся неотъемлемыми чертами своеобразия поэтики М. Цветаевой, а именно — несимметричность ритма, окказиональный синтаксис, сопутствующий анафорический конструкции в качестве дополнительного средства художественной выразительности, включенный непосредственно в анафору. Особое развитие получила тенденция к фонетическому обыгрыванию как внутрistroковому, так и начальных слов строк как дополнительного средства выражения экспрессии, сопутствующие анафорической конструкции.

Именно в период 1921 — 1922 годов утверждается новая модель цветаевского стиха — полного обращений, дискретного синтаксиса в качестве средств выражения экспрессии как в произведениях, использующих анафору, так и не использующих. В этот период поэтика Цветаевой значительно усложняется, и более близка поискам 1916, чем периоду 1917—1920 годов.

Так, не развивалась свойственная художественным поискам 1917—1920 годов тенденция к поэтизации малых песенных форм как системных, так построенных на окказиональной системности.

Значительно усложняется и поэтика цветаевской анафоры.

В пятом параграфе анализируется роль анафорической конструкции в творческих поисках 1923 года.

В лирике 1923 года получают дальнейшее развитие тенденции, выявившиеся в поисках 1916 г. и особенно—1921 — 1922 гг. К этим получившим в 1923 году мощнейшее развитие тенденциям относятся: окказиональный синтаксис; разное пунктуационное оформление одинаковых анафорических конструкций; внутрistroковой и внутрistroфный enjambement; изменение ритма на лирическом пространстве стиха; обилие обращений.

Особенно же ярко проявляются по сравнению с предыдущими периодами следующие черты: окказиональная деривация в анафорических конструкциях; ориентация на фонетическое обыгрывание как в начале строк, так и во внутрistroковой компоновке стиха; выделение морфем в позиции слова, а также слоговое членение как средство для создания экспрессии; ориентация на несимметричную, окказиональную концовку стиха как явление, сопутствующее экспрессии эстетического воздействия стиха, включающего анафорическую конструкцию.

Резко меняется и способ выражения анафор. Наиболее значительной группой представлены стихотворения, анафоры которых построены на основе синтаксического параллелизма. Сравнительно немного стихотворений, анафоры которых построены на основе синтаксического параллелизма, komponуется на системном использовании анафорических конструкций, основанных на названном принципе.

Наиболее значительную часть анафор, построенных на основе синтаксического параллелизма, составляют конструкции, наблюдающиеся в какой-либо части стиха, включающие окказиональный синтаксис, повышенную экспрессию морфем внутри самой анафоры, несимметричную ритмическую концовку стиха, что усиливает

выразительную экспрессию анафор, построенных на основе синтаксического параллелизма.

Анафоры в исследуемом периоде резко удлиняются, и приоритет уже не за лексическими, как в 1916 г. и ранее, 1917—1920 гг., отчасти в 1921—1922 гг., а за синтагматическими и лексико-синтагматическими и синтаксическими анафорами.

Меняется и структура стихотворений. Лирических стихотворений, не использующих анафор, в рассматриваемый период сравнительно немного, однако в большинстве своем они также включают способы усиления экспрессии стиха, отличные от традиционной поэтики. Симметричная системность анафор в рассматриваемый период также незначительна.

Значительной по сравнению с другими периодами группой (и в этом особенность исследуемого периода) представляются стихотворения, где наличествует единичная анафора, на которой строится стих. Выделяются следующие подгруппы— в первом случае анафора наличествует в определенной части стиха (наиболее обширная группа); во втором— анафора наблюдается в течение всего стиха — системная либо несистемная — при выпадании из системного или несистемного анафорирования какой-либо части стиха; характерна деструктивная анафора, на основе которой организуется лирическое действие стиха.

Наибольшее количество анафорических конструкций представлено в виде нескольких — то параллельных, то переплетающихся, то окольцовывающих — анафор.

Новшеством (как и увеличение количества стихов, построенных на несистемном анафорировании одной конструкции) является построение, когда одна анафора представляется основной, на чем несистемно komponуется лирическое действие стиха, вторая же (одна или несколько) вспомогательны.

Истоки этих явлений встречались и в предыдущих периодах, однако именно в период 1923—1925 гг. и, в частности, 1923 году, выявились в тенденцию.

В шестом параграфе анализируется анафорическая конструкция в лирике М. И. Цветаевой 1924—1939 гг. с точки зрения развития художественного метода, диалектического изменения индивидуального стиля поэта.

В последний — самый обширный — период творчества анафорические конструкции в лирике Цветаевой развивают те основные тенденции, что наметились в 1923 году. К подобным явлениям относятся: своеобразное анафорирование морфем в начале строк; обилие анафор-обращений; развитие тенденции к обрыву концовки стихотворений, построенных на анафорировании.

Кроме того, действенны тенденции, свойственные поискам предыдущих периодов, а именно — частый повтор строк как на уровне стиха (возврат к поискам 1921—1922 годов и ранее), так и на уровне цикла, что, однако, ранее не практиковалось, ограничиваясь повтором анафоры-синтагмы; внутрискроковое фонетическое обыгрывание анафор; усиление роли эпифоры, иногда — с фонетическим обыгрыванием (близко к поискам 1921—1922 годов); ориентация на разность длины одной и той же анафоры (близко к поискам 1917—1920 и 1920—1932 годов); употребление *еггцатЬетеп-1*; ов для усиления выразительной экспрессии анафорических конструкций (близко к художественным поискам и более ранних периодов); развитие тенденции к окказиональному синтаксису; ориентация на звуковую повторность в начале строк; склонность к анафорированию двух, трех- четырех-стиший (близко к поискам 1917—1920 гг., 1921—1922 гг.);

разное графическое оформление одной и той же анафоры (свойственно поискам 1923 г.); смена ритма на лирическом пространстве стиха как одно из средств усиления выразительности анафорических конструкций.

Относительно новыми тенденциями выражения анафор в рассматриваемый период можно считать сравнительно немного особенностей: окказиональное словообразование непосредственно в анафорической конструкции; возникновение полисинонимичных

эквивалентов основной анафоры на лирическом пространстве стиха; склонность к морфемному (иногда — окказиональному) обыгрыванию конечной части анафоры, построенной на основе синтаксического параллелизма.

Однако не все поиски, свойственные разным периодам творчества, нашли свое отражение в последнем периоде творчества поэта — это, прежде всего, свойственное поискам 1917—1920 годов стремление к симметричной (часто — окказиональной) песенности стиха и ориентация на использование малых (в основном — восьмистиший) форм стихотворений, построенных при использовании анафор. Рассматриваемому периоду несвойственно употребление разных способов рифмовки на лирическом пространстве стиха, характерное для 1920—1921 гг. и особенно 1917—1920 гг.

Так же, как и в предыдущих периодах, выделяются стихотворения, не построенные на основе синтаксического параллелизма, и стихотворения, строящиеся по названному принципу. Стихотворения, анафоры которых построены на основе синтаксического параллелизма, представляют наиболее выразительную группу в лирике Цветаевой. Особое место по степени выразительности занимают синтаксические анафоры, первая часть которых (синтагма) является дословным повтором предыдущей, вторая же часть построена на фонетическом, морфологическом окказиональном варьировании компонентов синтаксического параллелизма, исходящего из законов художественного видения. Наиболее интересными с точки зрения художественного воплощения являются анафорические конструкции с частичным использованием элементов синтаксического параллелизма. Именно этой группе стихотворений свойственны наиболее характерные для поисков 1923 года художественные особенности выражения экспрессии. Однако если в 1923 г. именно эта группа стихотворений вобрала в себя наиболее значительное количество новшеств индивидуальной поэтики М. Цветаевой, то в последний (1924—1939 гг.) период творчества и ориентация на фонетическое обыгрывание внутри строк и в начале строк, и окказиональный синтаксис свойственны как анафорам, построенным на основе синтаксического параллелизма, так и вне его, спектр действия названных тенденций расширяется.

Наибольшее количество стихотворений в рассматриваемом периоде характеризуется двумя основными способами компоновки стиха: стихотворения, построенные на несистемном повторе одной анафоры, и стихотворения, построенные на разных — параллельных, окольцовывающих и взаимопроникающих — анафорах. Стихотворения, не построенные на основе синтаксического параллелизма; анафора которых системно представляется на лирическом пространстве стиха; анафора которых представлена на уровне окказиональной системности, немногочисленны. В области компоновки стиха в исследуемый период наблюдается выявление нескольких принципиальных новшеств: движение от лексической и лексико-синтагматической анафоры к синтагматической в большинстве случаев, а также к анафоре, представленной на уровне строки или нескольких строк; усиление значимости несистемной анафоры, то исчезающей, то возникающей вновь, на которой строится стих; и, наконец, развитие системы анафорирования, одна анафора в которой является основной, несистемной, пульсирующей, а другая или другие, то появляющиеся, то исчезающие, вспомогательны; две или несколько анафор являются основными, что создает полифоничность основных анафор, другие же вспомогательны; представление почти в каждой строке стиха новых анафор, являющихся единичными, экспрессия которых велика вследствие средств выразительности, свойственных поэтике Цветаевой, что чаще всего проявляется либо в окказиональном синтаксисе, либо в предельном разрыве строк, выраженном словоразделами.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Анафорическая конструкция в лирике М. Цветаевой необычайно продуктивна, являясь действенным средством компонования стиха как в раннем, так и послеэмиграционном творчестве поэта.
2. Анафорическая конструкция в поэтическом синтаксисе М. Цветаевой

представлена в нескольких разновидностях. Прежде всего, выделяются анафоры, построенные на основе синтаксического параллелизма, и не построенные по названному принципу.

3. Анафорическим конструкциям, построенным на синтаксическом параллелизме, свойственно употребление как в «чистом», так и «частичном» выражении. Функционирование в «чистом» виде, когда анафора представлена повтором конструкции предыдущей строки, встречается как на каком-либо отрезке текста, так и на протяжении всей поэтической конструкции.

4. Стихотворения, где анафорическая конструкция, построенная на синтаксическом параллелизме, выражена на лирическом пространстве всего стиха, в лирике М. Цветаевой встречаются сравнительно редко.

5. Второй тип конструкций, построенных на основе синтаксического параллелизма — при частичном использовании названного принципа — является одним из продуктивнейших приемов компоновки стиха в творческой лаборатории поэта. Цветаевская анафорическая конструкция данного типа может как соответствовать традиционной поэтической норме, так и разрушать ее, исходя из законов индивидуальной поэтики.

6. Значительную часть анафор представляют анафорические конструкции, не построенные на основе синтаксического параллелизма. Наиболее характерной разновидностью анафорических конструкций подобного типа является несистемная анафора, на которой строится либо все лирическое пространство стиха, либо какая-то его часть.

7. Наиболее характерной разновидностью анафорических конструкций является несистемная анафора, на которой komponуется трагическое действие стиха. Примеры данного типа анафор встречаются и в раннем творчестве поэта, но наиболее характерны/ми являются в послеэмиграционный период, когда ее пульсирующая, прерывистая речь находит свое выражение в подобном типе компоновки стиха.

8. Поиски в области рифмовки анафор (как правило, несистемных) и разных способов выражений лирических анафор свойственны более ранним, чем позднему послеэмиграционному периоду творчества поэта.

9. Несистемная анафора может быть как единична, так представлена наряду с другими (в том числе и построенными на основе синтаксического параллелизма) на лирическом пространстве стиха. Компоновка стиха на использовании нескольких анафор продуктивна в течение всего творческого пути, однако особую выразительность приобретает, усложняясь и видоизменяясь, наряду с «пульсирующей» единичной анафорой, именно в поздний послеэмиграционный период.

10. Раннему (до 1916 года) периоду и в 1916, 1917—1920 гг. свойственно в большей степени употребление лексической анафоры, являющейся в основном композиционным средством перечисления признаков. В 1921—1922 гг. наблюдается примерное равновесие между лексическими, лексико-синтагматическими и синтагматическими анафорами. Далее роль синтагматической анафоры резко возрастает. Следовательно, очевидно движение от приоритета лексической к синтагматической, синтаксической анафоре в течение творческого пути.

11. Если на первых этапах творческого пути анафора М. Цветаевой более близка традиционной поэтике, то к концу творческого пути индивидуальные средства поэтики М. Цветаевой приводят к разрушению традиционной анафоры и созданию новой, окказиональной, что, в свою очередь, вело к созданию новой поэтики XX века — поэтики не замкнутых, а открытых пространств и структур.

12. На протяжении творческого пути меняется и сама структура анафор — от сравнительно равного количества анафор разных видов (единичных, системных, представленных в какой-либо части стиха, параллельных, взаимопроникающих и окольцовывающих), и приоритета анафор, представленных в какой-либо части стиха, а также нескольких анафор на уровне стиха, кроме того — в 1917—1920 гг. — резкой ориентации на законченную гармоничность — либо системную, либо окказиональную,

в период 1924—1936 гг. структура анафор меняется — преобладает «пульсирующая» анафора, а также компоновка стиха на нескольких анафорах, одна из которых (или несколько) являются основными, остальные же — вспомогательными; кроме того, компоновка стиха, когда несколько единичных анафор в силу специфики средств выражения равнозначны. Следовательно, развивается своеобразный пульсирующий монизм и полифоничность анафор.

13. Меняется и характер экспрессивных средств выражения в построении анафор — от традиционной поэтики наблюдается движение к окказиональной, что наиболее выражено в периоды 1923 г., 1924—1936 гг.

14. М. Цветаева создала окказиональный тип анафорической конструкции — построенный на синтаксическом параллелизме или частичном его использовании при внутри-строковом виртуозном обыгрывании фонетической и морфологической близости для создания неповторимой метафоричности.

15. В лирике Цветаевой анафорическая конструкция является как мощнейшим способом выражения ее гипертрофированной экспрессии, так и способом, средством компоновки стиха, выступая в большинстве случаев в единстве. Сама анафорическая конструкция М. Цветаевой, отличная чаще всего от нормативной поэтики, где анафора системна в течение всего стиха, пульсирующая, разорванная, нервная стала ярчайшим способом выражения ее художественного мира — и экспрессивность повтора звука, и экспрессия самой анафоры — формы били в одну точку, создавая то неповторимое, цветаевское, и, тем не менее, разрушая целостное, создавали новую поэтику XX века — поэтику не замкнутых, а открытых пространств и структур.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. К исследованию анафорической конструкции в лирике М. И. Цветаевой // Русский язык. Мн., Университетское, 1990, вып. 10, с. 131 — 138.
2. Исследование поэтического синтаксиса / на материале лирики М. И. Цветаевой / Методическое пособие. Изд-во Вильнюсского университета, 1990. 58 с.

ЭЛЯНА СУОДЕНЕ

Родилась в 1958 г. в Минске. В 1981 году окончила Филологический факультет Вильнюсского государственного университета. В Минске защитила диссертацию по теме «Анафора в поэзии Марины Цветаевой: стилистический аспект». Научные статьи о творчестве М. Цветаевой опубликованы в филологических журналах Белорусского государственного университета. Доктор гуманитарных наук, автор трёх поэтических сборников: «Свет ветра» (1985 г.), «Старая девочка» (1986 г.), «Ад наслаждения» (1987 г.). Стихотворения переведены на литовский язык, статьи о творчестве Эляны Суодене печатались в журнале «Габия», газете «Кауно диена» и других периодических изданиях республики.